

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ №1 ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES
АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

**ТЁМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ
НЕМЕРКНУЩИЙ**

Смотри
фильм —
читай
книгу!

Темные отражения

Александра Бракен

Темные отражения. Немеркнущий

«АСТ»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бракен А.

Темные отражения. Немеркнувший / А. Бракен — «АСТ»,
2013 — (Темные отражения)

ISBN 978-5-17-099989-7

Неизвестная болезнь унесла жизни более 90 % детей в стране. Выжившие обрели странные, пугающие способности. Всех их теперь содержат в концлагерях, лишив свободы, привычной жизни и индивидуальности. Руби провела в лагере шесть долгих лет, но в конце концов ей удалось бежать. Присоединившись к группе других беглецов, она ищет Ист-Ривер – место, где такие, как она, могут чувствовать себя в безопасности. Во время этого долгого путешествия Руби не раз придется решать – стоит ли свобода тех жертв, которые придется ради нее принести.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-099989-7

© Бракен А., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	35
Глава пятая	42
Глава шестая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Александра Бракен

Темные отражения

Немеркнувший

В память о моем отце, чья любовь к жизни и непреклонное мужество продолжают вдохновлять меня каждый день.

© Alexandra Bracken, 2012

© Ю. Васильевой, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Пролог

Впервые я увидела этот сон на второй неделе пребывания в Термонде, и с тех пор он повторялся, по крайней мере, дважды в месяц. А где еще ему было присниться, как не за гудевшей от пропущенного через нее электричества оградой? Неважно, сколько лет пройдет: два года, три, шесть – это место высосет из тебя все, до дна. Зеленая униформа, набившая оскомину каждодневная рутина: время постепенно начинало буксовать, словно глохнувший автомобиль, пока наконец не останавливалось. Я понимала, что взрослею: ловила свое меняющееся отражение в металлических поверхностях в столовой – но не чувствовала этого. Связь между прошлым и настоящим была разорвана – я зависла где-то посередине. А может, это вовсе была уже не я? В лагере, как только ты покидал камеру, лишался своего имени. Я была номером: 3285. А еще файлом, хранившемся на сервере, или «делом», запертым в сером бронированном шкафу. Люди, знавшие меня ДО, были знакомы с совсем другой Руби.

Сон всегда начинался одним и тем же: грохотом, резкими звуками. Я, старуха – кривая, сгорбленная и больная, – стояла посреди оживленной улицы. Возможно, даже где-то в Вирджинии, где жила наша семья, но меня так давно забрали из дома, что я вряд ли узнала бы родные места.

По обеим сторонам неосвещенной дороги неслись машины. Временами я слышала раскаты надвигающейся грозы, порой это был нараставший рев автомобильных клаксонов. Иногда я оказывалась в полной тишине.

Но дальше всегда происходило одно и то же.

Одинаковые черные машины с визгом останавливались прямо передо мной, а потом, когда я поднимала глаза, давали задний ход. Как и все остальное. Дождь отлеплялся от липкого черного асфальта, поднимаясь в воздух идеальными блестящими капельками. Солнце скользило по небу обратно к востоку, подгоняя Луну. И с каждым новым оборотом я чувствовала, как косточка за косточкой расправляется моя древняя сутулая спина, – и вот я уже снова стою прямо. Когда я поднимала руки к глазам, морщины и сине-фиолетовые вены на коже разглаживались, старость словно бы таяла и стекала с меня.

А потом мои руки стремительно уменьшались. Угол обзора дороги менялся; я тонула в огромной одежде. Звуки становились оглушительнее, резче – и я переставала понимать, что это и откуда. Время катилось назад, сбивая меня с ног, разрывая голову.

Мне снилось, что время повернулось вспять, и я вновь обрела то, что потеряла, и стала прежней.

А потом сны прекратились.

Глава первая

Сжав горло часового в локтевом захвате, я усилила давление, и резиновые подошвы тяжелых ботинок замолотили по земле. Ногти вонзились в черную ткань моей куртки и перчаток в отчаянной попытке их разодрать. Мозг, лишенный кислорода, все еще пытался найти выход, которого не было. Я видела их. Чужие воспоминания и мысли белыми вспышками жгли мне глаза, но я не ослабила хватки, даже когда охваченный ужасом разум охранника вытащил наружу изображение самого себя, уставившегося широко открытыми глазами в потолок темного коридора. Неужели умер?

А я и не собиралась его убивать. Солдат был выше меня на голову, широкоплечий, с мощными бицепсами. Я справилась лишь потому, что он стоял ко мне спиной.

Инструктор Джонсон называл этот прием «захват шеи», он же научил меня и множеству других. «Консервный нож», «распятие», «ущемление шеи», «Нельсон», «торнадо», «захват кисти», «спиномом». Благодаря им я, будучи всего-то полтора метра ростом, смогу обездвигать даже того, кто превосходит меня физически. И удерживать до тех пор, пока не пущу в ход настоящее оружие.

Теперь мужчина находился в полубомбочном состоянии. И я легко и уже безболезненно скользнула в его сознание: фрагменты памяти, хлынувшие мне навстречу, были окрашены в черный. Цвет проступал сквозь них, словно клякса на мокрой бумаге. Только уверившись, что солдат полностью в моей власти, я позволила себе ослабить хватку на его шее.

Да, не этого он ожидал, когда вышел покурить через неприметную боковую дверь магазина.

На морозном воздухе покрытые белесой щетиной щеки солдата покраснели. Я выдохнула облачко горячего пара из-под лыжной маски и откашлялась, каждой клеточкой чувствуя на себе внимание десяти пар глаз. Я провела пальцами по его коже, чувствуя, как они дрожат. От солдата пахло табаком, а еще мятной жвачкой – попытка скрыть дурную привычку. Я наклонилась вперед, прижимая два пальца к его шее.

– Проснись, – прошептала я. Мужчина широко, по-детски, открыл глаза. В животе у меня что-то сжалось.

Я полуобернулась на группу захвата – бойцы собрались за моей спиной и молча наблюдали за нами из-под масок.

– Где заключенный 27?

Здесь камеры не могли бы нас засечь – потому-то, полагаю, солдат без опаски позволял себе незапланированные перерывы, – но мне не терпелось скорее разделаться со всем этим.

– Не тяни, черт возьми! – процедила сквозь стиснутые зубы Вайда.

Когда сзади подошел командир нашей группы, по моей спине волной прокатился жар, а руки снова дрогнули. Проникновение в чужие мозги не причиняло боли, как раньше, не выжимало, скручивая разум болезненными узлами. Но обостряло восприятие сильных эмоций любого, кто находился рядом. И я ощущала отвращение, которое испытывал этот человек. Его черную-черную ненависть.

Краем глаза я видела темные волосы Роба. Приказ двигаться вперед, оставив меня здесь, готов был сорваться с его губ. Из трех операций под его командованием мне удалось закончить лишь одну.

– Где заключенный 27? – еще раз спросила я, подтолкнув разум солдата своим собственным.

– Заключенный 27. – Мужчина повторил эти слова, и его густые усы дернулись. Из-за проступившей в них седины охранник казался намного старше своих лет. Ориентировка, выданная нам в штабе, содержала краткое описание всех военных, прикрепленных к данному бункеру,

включая и этого: *Макс Браммель*, сорок один год, родом из Коди, штат Вайоминг. Переехал в Пенсильванию, в Питтсбург, устроился программистом. После того как экономика рухнула, был уволен. Милая жена, тоже безработная. Двое детей.

Оба умерли.

Поток мрачных образов затопил каждый темный уголок, каждую щель его разума. Я увидела с десяток мужчин в одинаковом летнем камуфляже, выпрыгивающих из фургона, и еще несколько, вылезавших из «Хаммеров», окруживших огромную машину. В ней привезли преступников – тех, кого обвиняли в терроризме. И если данные, полученные Детской лигой, не врут, один из наших лучших агентов тоже находился там.

Я отстраненно наблюдала, как эти солдаты выводят из фургона одного... двоих... нет, троих. Конвоиры не были офицерами СПП или фэбээровцами, или церэушниками, и уж точно не полицейскими спецназовцами или «морскими котиками», которые, скорее всего, одним ударом уничтожили бы наш крошечный отряд. Нет, это были всего лишь резервисты Национальной гвардии, призванные в тяжелые времена на действительную службу. По крайней мере, в этом сведения оказались верны.

Плотно натянув капюшоны на головы заключенным, солдаты погнали их вниз по ступенькам заброшенного магазина к раздвижной серебристой двери бункера, скрытого под ним.

После того как большая часть Вашингтона была, как утверждал президент Грей, уничтожена группой пси-детей, которым вывернули мозги, он приложил все усилия, чтобы возвести эти так называемые мини-крепости по всему Восточному побережью на случай нового столь же масштабного катаклизма. Некоторые построили под гостиницами, другие укрыли в склонах гор, а третьи, вроде этой, спрятали у всех на виду под магазинами или административными зданиями в маленьких городках. Они предназначались для защиты Грея, его министров и важных военных чиновников, а еще, как выясняется, чтобы держать в заключении «особо опасную угрозу национальной безопасности».

Таких, как наш заключенный 27, для которого, судя по всему, были подготовлены особые условия.

Его камера находилась еще двумя уровнями ниже, в конце длинного коридора. Камера-одиночка с низким, темным потолком. Стены, казалось, сдавливали меня, но воспоминание было четким. Не снимая с заключенного 27 капюшона, солдаты привязали его ноги к металлическому стулу, стоящему в центре камеры прямо под единственной голой лампочкой, освещавшей помещение.

Я вынырнула из головы мужчины, освобождая его от физического и психологического захвата. Он сполз вниз по испещренной граффити стене в заброшенной прачечной, все еще находясь в плену собственного затуманенного мозга. Стереть из его памяти мое лицо и остальных было все равно что вынуть несколько камушков из неглубокого прудика с чистой водой.

– Два этажа вниз, помещение 4-Б, – сказала я, поворачиваясь к Робу. Мы располагали наброском плана этого бункера, но без подробностей – мы не были слепы, однако «белых пятен» хватало. Впрочем, в общих чертах все бункеры строились одинаково: вниз ведет лестница или лифт, на каждом этаже по длинному коридору.

Роб поднял руку в перчатке, не нуждаясь в дополнительных деталях и подавая сигнал стоящим сзади. Я сообщила ему код, добытый из памяти солдата: 6-8-9-9-9-*, и отошла, потянув за собой Вайду. Та, что-то проворчав, отпихнула меня прямо на ближайшего солдата.

Я не видела глаз Роба за прибором ночного видения, вспыхнувшим зеленым светом, но его намерения были очевидны и так. Мы изначально не были ему нужны, и, конечно, Роб не хотел, чтобы мы потащились за ним туда, где он, бывший армейский рейнджер – о чем мужчина напоминал нам при каждом удобном случае, – управился бы сам с несколькими своими бойцами. Больше всего, думаю, Роб злился из-за того, что его вообще отправили на это задание. Политика Лиги – отречься от схваченных агентов. Провалился – помощи не жди.

Если Албан хотел вернуть этого, причины должны быть очень вескими.

Дверь отъехала в сторону, и обратный отсчет начался. Пятнадцать минут на то, чтобы войти, вытащить заключенного 27, выбраться и свалить к чертовой матери. Хотя, кто знает, есть ли у нас даже эти пятнадцать минут? Роб мог только грубо прикинуть, как скоро после срабатывания сигнализации прибудет подкрепление.

Дверь вела на лестницу в задней части бункера. Пролет за пролетом уходили вниз, во тьму, ориентироваться приходилось по немногим лампочкам, установленным вдоль металлических ступенек. Я услышала, как один из бойцов перерезал провода камеры наблюдения, расположенной где-то над нами, почувствовала руку Вайды, толкающую меня вперед, но потребовалось время – слишком много времени, – чтобы глаза привыкли к темноте. В сухом застоялом воздухе, раздражая легкие, все еще ощущался запах средства для стирки и других химикатов.

Потом мы побежали вниз по лестнице. Быстро и так тихо, насколько позволяли наши тяжелые ботинки.

Когда мы с Вайдой оказались на первой лестничной площадке, в моих ушах бился пульс. Шесть месяцев занятий – не слишком большой срок, но достаточный, чтобы научиться снова натягивать на себя привычную броню, сосредоточившись на главном.

Что-то твердое врезалось в мою спину, потом еще более твердое – плечо, автомат, потом снова и снова, пока я не поняла, что надо прижаться к двери, ведущей в бункер, чтобы пропустить солдат. Вайда резко выдохнула, когда последний из команды пролетел мимо.

– Прикрывайте нас. – Рядом с нами остановился Роб. – Пока мы не зашли, потом следите за входом. Оставайтесь здесь. Не покидайте позиций.

– Мы должны... – начала было Вайда, но я шагнула вперед, не давая ей договорить. Да, нас инструктировали иначе, но так даже лучше для нас обеих. Смысла спускаться за ними в бункер, возможно, навстречу смерти, нам не было. И Вайда знала – это вбивали в наши головы миллион раз, – что нынешней ночью командиром был Роб. Самое первое правило, единственное, что имело значение в мгновение между двумя паническими ударами сердца, гласило: ты всегда, даже под огнем, под угрозой погибнуть или оказаться в плену, *всегда* должен слушаться командира.

Вайда стояла у меня за спиной, достаточно близко, чтобы я чувствовала ее горячее дыхание через толстую черную вязь лыжной маски. Чтобы излучаемая ею ярость выплеснулась в морозный филаделфийский воздух. Вайда всегда фонтанировала кровожадным рвением, особенно когда командиром назначалась Кейт: стремление проявить себя перед Наставником вечно сводило на нет все усвоенные навыки. Для Вайды это было игрой, вызовом, чтобы продемонстрировать свой идеальный дар, боевую подготовку, отточенные способности Синей. Для меня – еще одной прекрасной возможностью оказаться убитой. В свои семнадцать Вайда, возможно, была идеальным стажером, стандартом, которому должны были соответствовать и остальные чудные дети, вытщенные и опекаемые Лигой. Однако единственным, с чем Вайда никак не могла справиться, был ее собственный адреналин.

– Не смей ко мне прикасаться, стерва, – огрызнулась Вайда низким от гнева голосом и уже отвернулась, чтобы пуститься за группой вдогонку. – Ты настолько труслива, что собираешься безропотно подчиниться? Тебе плевать, что он ни во что нас не ставит? Ты...

Лестница выгнулась подо мной, словно глубоко вдохнула, и снова опала. Шокированная, я наблюдала происходящее как в замедленной съемке: меня подбросило и сбilo с ног, с такой силой швырнув о дверь, что череп должен был оставить на ней вмятину. Вайда рухнула на пол, прикрывая голову, и только тогда до нас долетел хлопок гранаты, взорвавшей нижний вход.

Снизу поднимались горячие волны, заполненные густым дымом. Стало трудно дышать. Но дезориентация пугала гораздо сильнее. Когда я заставила себя открыть глаза, веки казались ободранными до мяса. В темноте, пробиваясь сквозь облака цементной пыли, пульсировал малиновый свет. Что-то приглушенно билось в ушах – но не пульс. Сигнал тревоги.

Почему использовали гранату, если знали, что код от той двери совпадает с кодом наружной? Никто не стрелял – отсюда мы бы обязательно слышали, если бы группа вступила в бой. Теперь наше присутствие было раскрыто, и это работа «команды профессионалов»?!

Я сорвала маску с лица, ощупывая правое ухо, которое резануло колющей болью: гарнитура связи разлетелась на куски. Прижав к уху руку в перчатке, я поднялась на ноги, стараясь превозмочь приступы тошноты, накатывающие один за другим. Но когда повернулась, чтобы найти Вайду и вытащить ее вверх по лестнице в зябкую пенсильванскую ночь, той нигде не было.

Прислонившись к стене, чтобы удержаться на ногах, и наблюдая, как бойцы нашей группы устремились назад, я искала глазами тело девушки в зияющей дыре дверного провала. Удар сердца. Еще один.

– Вайда! – Я чувствовала, как слово вылетает из моего горла, но колотившаяся в ушах кровь заглушала любые звуки. – Вайда!

Дверь на этом уровне была искорежена, помята, опалена – но, видимо, работала. Застонав, она вдруг начала открываться, однако на полпути с ужасающим скрежетом застряла. Я отскочила к стене, сделав два шага вверх по сломанной лестнице. Тьма снова укрыла меня как раз в тот момент, когда первый солдат протиснулся в щель, поводя пистолетом в тесном пространстве. Глубоко вздохнув, я присела, прижимаясь к земле. Я несколько раз моргнула, и зрение наконец полностью вернулось. А солдаты все появлялись из дверного проема, выпрыгивая через неровную дыру на площадку и устремляясь вниз по лестнице. Глотая дым, я насчитала четверых, пятерых, шестерых. Казалось, появление каждого сопровождал странный жужжащий хлопок, но только когда я, поднявшись, с силой потерла лицо, поняла наконец, что с нижних этажей доносится перестрелка.

Вайда пропала, опергруппа угодила в собственноручно растрепанное осиное гнездо, а заключенный 27...

«Черт возьми», – подумала я, снова усаживаясь на корточки, чтобы не привлекать к себе внимания. Такие бункеры обычно охраняло человек двадцать-тридцать. Разместить большее количество, даже временно, место не позволяло. Но то, что сейчас коридор был пуст, не значило, что все солдаты сейчас там, внизу, где стреляли. А вот если меня поймут, тогда уже точно все. Со мной будет кончено: меня убьют так или иначе.

Вот только тот человек с капюшоном на голове, которого я видела...

Я не питала особой преданности Детской лиге. Мы заключили сделку на словах, это была странная договоренность, столь же деловая, сколь и кровавая. Мне не было дела до других, если только эти люди не были членами моей группы. Да и обо мне заботились ровно настолько, чтобы сохранить мне жизнь и мои способности, дабы наводить на цель, словно вирусное оружие.

Я застыла, не в состоянии двинуться с места. То, что я увидела в голове охранника, продолжало снова и снова прокручиваться у меня в голове. Было нечто странное в том, как заключенному 27 связали руки, как повели его вниз, в темную неизведанность бункера. Что-то в блеске оружия, невероятности побега. Я чувствовала, как во мне, словно облако пара, нарастает отчаяние, заполняя все тело и клубами вырываясь из него.

Я знала, что такое оказаться в тюрьме. Чувствовать, как время останавливается, потому что с каждым днем капля за каплей утекает надежда на то, что все еще может измениться и кто-то придет на помощь. И я подумала: если кто-нибудь из нас до того, как операция окончательно провалится, сумеет добраться до узника, и он узнает, что мы здесь, ради этого одного уже стоило попытаться.

Но безопасного пути вниз не было, а неистовая пальба явно велась из автоматического оружия. Заключенный 27 поймет, что за ним приходили – и не смогли до него добраться. Я

страхнула с себя сострадание. Хватит думать, будто эти взрослые заслуживают какой-либо жалости, особенно агенты Лиги. Даже от новобранцев, на мой взгляд, разило кровью.

Если останусь здесь, как приказал Роб, то никогда не найду Вайду. Но если, послушавшись, уйду, он придет в ярость. «Может, он хотел, чтобы ты стояла тут, когда прогремит взрыв, – прошептал тихий голос на задворках моего сознания. – Может, он надеялся...»

Нет. Я отбросила эти мысли – сейчас не до этого. Моя ответственность – Вайда. Не Роб, не заключенный 27, а эта чертова гадюка. Вот выберусь отсюда, найду Вайду, потом мы в целости и сохранности вернемся в штаб, вот тогда, пожалуй, я снова вернусь к своим подозрениям. Но не сейчас.

Пульс все еще бился в ушах слишком громко, и я не расслышала тяжелые шаги того, кто спускался с наблюдательного поста в прачечной. И когда моя рука коснулась двери, мы буквально врезались друг в друга.

Этот солдат был молодым. Судя по внешности, немногим старше меня. *Райан Дэвидсон*, выдал мой мозг, выплевывая всевозможную бесполезную информацию из файла с заданием. Вырос и родился в Техасе. Призван в Национальную гвардию после закрытия его колледжа. Специальность: историк искусств.

Однако одно дело – читать чью-то жизнь с распечатки, и совсем другое – встретиться с этим человеком уже из плоти и крови лицом к лицу. Почувствовать тяжелый запах его горячего дыхания, увидеть пульс, бьющийся в горле.

– Э-эй! – Солдат потянулся за пистолетом, но я ударила ногой по его руке, и оружие, прогрехотав по лестничной площадке, покатилося вниз по ступенькам. Мы оба метнулись за ним.

От удара подбородком о серебристый металл мозг словно взболтало. Одну слепую секунду перед моими глазами застыла девственно-белая вспышка. А потом все снова стало блестящим и ярким, сменяясь острой болью; солдат сбил меня с ног, и я снова ударилась о пол, прикусив нижнюю губу, вспарывая ее до крови. Красные капли брызнули на лестничную клетку.

Охранник всем своим весом прижал меня к полу. Вот он пошевелился – достать рацию. Ему ответила женщина – я слышала, как она сказала: «Докладывайте», потом прозвучало: «Поднимаюсь». Осознание того, как сильно я облажаюсь, если это действительно произойдет, ввергло меня в состояние, которое инструктор Джонсон любил называть контролируемой паникой.

Паникой, потому что положение осложнялось слишком быстро.

Контролируемой, потому что хищником была я.

Одна моя рука была притиснута к груди, другая оказалась зажатой между моей спиной и его животом. На нее вся надежда. Я судорожно комкала униформу солдата, нащупывая голую кожу. Воображаемые пальцы потянулись к его голове, пробиваясь внутрь, проникая в нее один за другим. Они продирались сквозь воспоминания: мое испуганное лицо за дверью, унылые картинки женщин в синем, танцующих на тускло освещенной сцене, поле боя, какой-то мужчина, обрушивший на него кулак...

Внезапно хватка ослабла, и в мои легкие снова хлынул воздух, холодный и затхлый. Я встала на четвереньки, заглатывая ртом кислород. Фигура надо мной отшвырнула солдата на ступеньки, словно скомканный лист бумаги.

– ...подъем! Надо... – Слова звучали, словно из-под воды. Если бы не пряди шокирующе фиолетовых волос, торчащих из-под лыжной маски, я бы вряд ли узнала Вайду. Ее темная рубашка и брюки порвались, она явно хромала, но была жива и в основном цела. Я слышала ее голос сквозь густой звон в ушах.

– Господи, ну ты и тормоз! – крикнула она мне. – Двинули!

Вайда начала спускаться, но я уцепилась за шиворот ее кевларового жилета и отдернула назад.

– Мы выходим на улицу. Прикроем вход оттуда. Твой коммуникатор работает?

– Они все еще там – сражаются! – закричала девушка. – Мы можем понадобится! Он приказал не покидать пост!..

– Тогда считай это *моим* приказом!

Ей пришлось подчиниться, потому что таковы были правила, и за это Вайда сильнее всего меня ненавидела: мой голос был решающим. И я могла отдавать ей приказы.

Вайда плюнула мне вслед, но я чувствовала, что она идет за мной вверх по лестнице, ругаясь себе под нос. А ведь она запросто может вонзить мне нож в спину.

Та, кого мы встретили снаружи, ясное дело, такого не ожидала. Я подняла руку, потянувшись к ее запястью, чтобы скомандовать ей уйти, но гром пистолета Вайды, прозвучавший прямо над моим плечом, отшвырнул меня от девушки в военной форме даже быстрее, чем из ее шеи брызнула кровь.

– Терпеть не могу этого дерьма! – пробурчала Вайда, хватая мой пистолет, по-прежнему висевший у меня на боку, и пихая его мне в ладонь. – *Вперед!*

Пальцы сомкнулись на рукоятке знакомой формы. Стандартный боевой пистолет – черный *SIG Sauer P229 DAK*, даже после нескольких месяцев обучения стрельбе, чистке и сборке он все еще казался слишком большим для моих рук.

Мы ворвались в ночь; я попыталась снова остановить Вайду, удержать до того, как та во что-нибудь вляпается, но девчонка грубо сбросила мою руку. Мы припустили в узкий переулок.

Я завернула за угол как раз в тот момент, когда трое солдат, перепачканных сажей и перемазанных кровью, вытаскивали двоих в капюшонах из того, что напоминало большой ливневый слив. Этот выход *определенно* не был указан в папках с оперативной информацией, которые нам выдали.

Заключенный 27? Вряд ли. Мужчины, которых грузили в фургон, были примерно одного роста. Но шанс сохранялся. И этот шанс запикивали в грузовик и собирались увезти навсегда.

Вайда прижала руку к уху, сжатые губы побелели.

– Роб приказал оставаться внутри. Ему нужна подстраховка.

Она уже повернула назад, когда я успела ее схватить, впервые оказавшись чуточку быстрее.

– Наша цель – заключенный 27, – прошептала я, пытаюсь сформулировать задачу так, чтобы она не противоречила глупому чувству долга Вайды перед организацией. – Думаю, это он. Вот зачем Албан отправил нас. И если агента увезут, вся операция псу под хвост.

– Он... – запротестовала было Вайда, но потом, что бы она там ни собиралась сказать, слова застыли у нее на губах. Сжав челюсти, девушка чуть заметно кивнула. – Если ты нас потопишь, я с тобой идти ко дну не собираюсь. Прими к сведению.

– Это будет только моя вина, – заверила ее я, – и на тебе никак не отразится.

История операций Лиги останется незапятнанной, ничто не пошатнет доверие Албана и Кейт к Вайде. Ситуация для Вайды беспроигрышная – либо ей достанется вся «слава» успешной операции, либо она станет свидетельницей моего наказания и унижения.

Я не спускала глаз с разворачивавшейся перед нами сцены. Три солдата – справиться можно, но для этого мне надо подобраться совсем близко – так, чтобы к ним прикоснуться. Единственный, однако весьма неприятный предел моих способностей, который я никак не могла преодолеть, сколько бы Лига ни заставляла меня упражняться.

Невидимые пальцы в моей голове нетерпеливо постукивали, словно их бесило, что они не могут выбраться ни на сантиметр дальше.

Я усталилась на ближайшего солдата, силясь представить, как эти пальцы, точно длинные цепкие щупальца, ползут по плитке, дотягиваются до его незащищенного разума. «Клэнси бы так смог», – подумала я. Ему не нужно было дотрагиваться до людей, чтобы завладеть их разумом. Мне хотелось рычать от бессилия. Нужно что-то другое. Отвлекающий маневр, который мог бы...

Вайда могла гордиться собой: атлетического сложения, сильные, натренированные руки и ноги. Она двигалась изящно и легко, хотя ее действия несли другим смерть. Я заметила, что девушка подняла пистолет и взяла цель.

– Используй способности! – прошипела я. – Вайда, опусти оружие – его же сразу заметят!

Девушка глянула в мою сторону так, словно у меня случилось размягчение мозга. Пере-стрелять врагов было бы быстрее, мы обе хорошо это знали, но что, если она промахнется или ранит одного из заключенных, или охранники откроют ответный огонь...

Раздраженно вздохнув, Вайда подняла руку. Затем толкнула воздух ладонями. Троих нацгвардейцев подбросило вверх и отшвырнуло в сторону дома напротив, прямо на припаркованные там автомобили. Мало того, что Вайда была физически быстрее и сильнее и целилась лучше нас всех, она еще и лучше других управляла своими способностями.

Я позволила части своего мозга выключиться. Самый ценный навык, которому научила меня Детская лига: избавляться от страха и заменять его чем-то холодным и безучастным. Назовите это спокойствием, сосредоточением или оцепенением – но у меня получилось. И не обращая внимания на сумасшедшее kloкотание крови в моих сосудах, я побежала к заключенным.

От них воняло рвотой, кровью и грязью, в то время как хирургически чистые коридоры бункера пахли дезинфекцией. Желудок скрутило.

Ближайший ко мне мужчина скорчился у сточной канавы, закрывая связанными руками голову. Рубашка свисала ключьями с его плеч, обнажая порезы, ожоги и ушибы – его спина была больше похожа на кусок сырого мяса, чем на человеческое тело. Заключенный повернулся на звук моих шагов, опуская руки. Я сдернула капюшон с его головы, собираясь произнести какие-то ободряющие слова. И тут меня точно замкнуло. Из-под копны грязных белокурых волос на меня уставились ярко-голубые глаза, и я замерла, не в состоянии вымолвить ни слова, когда бывший узник, наклонившись, попал в бледный круг света от фонаря.

– Шевелись, тупица! – заорала Вайда. – Чего встала?

Мне показалось, что из меня вытекла вся кровь, быстро и чисто, как это бывает, если выстрел приходится в самое сердце. И тут я поняла – догадалась, почему Кейт поначалу так упорно старалась перебросить меня на другое задание, почему мне приказали не входить в бункер, почему не дали информации о самом заключенном. Ни имени, ни описания, ни, конечно, предупреждения.

Потому что лицо, на которое я сейчас смотрела, было худым, вытянутым, избитым, но таким знакомым... знакомы... зна...

«Это не он, – подумала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Не он».

В ответ на мою реакцию, пленник медленно встал, непокорная улыбка то и дело сменялась гримасой боли. Поднявшись на ноги, он, шатаясь, шагнул ко мне. Облегчение в его глазах смешивалось с пониманием того, что операция еще не закончилась. Однако его тягучий южный акцент звучал так же тепло, как раньше, пусть тембр голоса, когда заключенный 27, наконец, заговорил, оказался глубже и грубее:

– Я выгляжу так же мило, как себя чувствую?

И клянусь – клянусь, – я почувствовала, как теперь уже время ускользает у меня из-под ног.

Глава вторая

Как найти Детскую лигу?

Да никак.

Разузнать у окружающих не получится, потому что ни одна живая душа в Лос-Анджелесе не признает существование подобной организации, чтобы у президента Грея мгновенно зачесались руки. Иметь под боком Федеральную коалицию – дорогое удовольствие. Те, кто мог поделиться информацией, если бы и продали свой секрет, то за такую цену, которую мало кто потянет. Это была закрытая организация, чужие с улицы туда не попадали. Правила предписывали избавляться от каждого, кто мог выдать агента даже взглядом.

Лига сама находила *тебя*. Привлекала в свои ряды, если признавала достаточно ценным кадром. Если ты был готов сражаться. Это стало первым, что я усвоила по пути сюда, сидя рядом с Кейт, или, по крайней мере, эта мысль первой закрепилась в моем сознании, пока наш внедорожник мчался по шоссе, направляясь напрямик в сердце города.

Главная оперативная база – Штаб, как все ее называли – была скрыта глубоко под землей, под зданием завода по производству пластиковых бутылок, который продолжал фурычить, добавляя свои выбросы в коричневый смог, в котором тонул складской район Лос-Анджелеса. Многие агенты и высокопоставленные чиновники Лиги формально числились в компании «Бутирование P&C».

Я прижала руки к животу. В Термонде мы хотя бы небо видели, и сквозь электрический забор просматривались деревья. Здесь у меня не будет даже этого – до тех пор, пока Лига не решит, что я могу подняться наверх.

– Все принадлежит Питеру Хиндерсону. Возможно, ты с ним тоже встретишься. Он – преданный сторонник Лиги с самого дня ее основания. – Кейт собрала волосы в хвостик, а машина взяла курс на нечто, похожее на еще одну крытую автостоянку.

Таким был этот город – выцветшие краски приглушенных тонов и кругом бетон...

– Создание Штаба – его заслуга. Все помещения располагаются прямо под его заводом, так что, если нас попробуют засечь со спутника, тепловые выбросы из вентиляции будет несложно объяснить.

Кейт с гордостью продолжала рассказывать, глаза ее горели, а мне было абсолютно наплевать. Меня начало тошнить еще в самолете, когда мы вылетели из Мэриленда, а потом в машине укачало еще больше. От стойкой бензиновой вони голова просто раскалывалась. Я мечтала вдохнуть сладкого чистого воздуха Вирджинии.

Из других автомобилей тоже вывалились агенты, но стоило им увидеть нас обеих, как болтовня и хохот тут же стихли. Они пялились на меня весь полет, пытаюсь понять, чем же я настолько важна для Кейт, что та организовала мое похищение. Судя по всему, другие развлечения им были не столь интересны. До меня, будто игрушечные кораблики на пруду, доплывали слова: шпионка, беглая, Красная. Все мимо кассы.

Мы приотстали, пропуская остальных агентов вперед, к серебристому лифту на другом конце стоянки – их шаги эхом отдавались от крашеной цементной поверхности. Кейт устроила целое представление, преувеличенно долго вытаскивая наши вещи из багажника: каждое движение проделывалось мучительно медленно, идеально выверенно, чтобы дать им фору. Пока не пришла наша очередь, я все прижимала кожаную куртку Лиамы к груди.

Кейт приложила пропуск к черной панели рядом с дверями лифта, и те с грохотом разъехались. Я ступила внутрь, не сводя глаз с потолка, пока панели снова не открылись и нас не обдало волной тяжелого влажного воздуха.

Наверное, здесь когда-то проходила канализация. Да, судя по наличию крыс, едкому запаху и слабой вентиляции, в этом месте точно была канализация или ливневый сток. Выходя,

мы запустили какой-то детектор движения, и темные цепочки крошечных лампочек, идущие по обеим стенам, ожили, выхватывая яркие взрывы граффити и лужи конденсата на цементном полу, куда медленно и с громкими шлепками плюхались капли.

Я уставилась на Кейт, ожидая эффектного завершения этой явно затянувшейся неудачной шутки. Но женщина только пожала плечами.

– Знаю, выглядит не... красиво, но ты постепенно... ладно, здесь никому не нравится. Но когда все здесь изучишь, привыкнешь.

Чудненко. Есть чего ждать с замиранием сердца.

Мне хватило расстояния в один квартал, когда от влажного, заплесневелого воздуха в туннеле к горлу снова подступила тошнота. Еще четыре таких дистанции расширяли границы того, что может вынести человек. Для большинства из нас потолки были достаточно высокими, чтобы ходить, не нагибаясь. Но тем, кто отличался изрядным ростом, включая Роба, приходилось «кланяться» каждой металлической балке. Стены смыкались вокруг, словно мимические морщинки вокруг рта, накрывая нас тьмой. Единственной роскошью в туннеле была его ширина – мы могли идти бок о бок. И дышать.

Кейт подняла глаза и махнула в сторону одной из черных камер, мимо которой мы проходили, направляясь к серебристой двери на другом конце туннеля.

Не знаю, что насторожило меня в этом жесте, но я обернулась. Возможно, необратимость. Полное осознание того, сколько усилий придется приложить, какой быть осторожной и терпеливой, пока Лиам не доберется до места, где его не достанут. И уже только потом выбраться отсюда.

Трижды пикнув, панель доступа мигнула зеленым. Кейт прицепила пропуск обратно к петле на поясе, вздох облегчения наполовину затерялся в свисте кондиционированного воздуха, вырвавшегося из-за дверей.

Я отпрянула прежде, чем женщина успела взять меня за руку, съездившись под ее дружелюбной улыбкой.

– Добро пожаловать в Штаб, Руби. Перед экскурсией я хотела бы кое с кем тебя познакомить.

– Хорошо, – пробормотала я.

Мой взгляд застыл на длинной стене коридора, увешанной сотнями пожелтевших листочков. Больше смотреть было не на что, разве что на блестяще-черную плитку да длинные люминесцентные трубки над головой.

– Это все повестки агентов, – объяснила Кейт, когда мы проходили мимо.

Обязательная воинская повинность Грея, введенная накануне кризиса, означала, что всех, кто был моложе сорока, призывали на службу: миротворцами в Национальную гвардию, пограничниками или надсмотрщиками за чудными детьми в лагерях наподобие СППШ-ных. Первая волна вынужденных рекрутов в основном состояла из двадцатилетних – слишком взрослых, чтобы пострадать от ОЮИН, и слишком молодых, чтобы потерять собственных детей.

– Многие агенты – бывшие военные, как Роб, – рассказывала Кейт, пока мы шли. – Но большинство из нас – гражданские. Одни присоединились к Лиге, поверив в миссию Албана, другие пытались получить чуть больше информации о том, что происходит с нашими детьми, с братьями и сестрами. Всего задействовано более трехсот внедренных агентов, плюс еще человек сто или больше работают в Штабе. Это технические специалисты, тренеры или те, кто следят за ходом операций.

– А сколько здесь детей?

– Двадцать шесть, включая тебя и Мартина. Шесть команд, по четыре человека в каждой. И к каждой прикреплен агент. Хотя Албан называет нас Наставниками. Ты будешь тренироваться с моей командой и со временем получишь допуск к тактическим операциям.

– И Лига всех вытащила из лагерей? – поинтересовалась я.

Кейт приложила пропуск к очередной двери.

– За пять лет существования Лиги самое большое – четверых. Дети здесь со всех концов страны. Некоторых, вроде Вайды и Джуда – познакомишься с ними чуть позже, – привезли сюда, когда Сборы еще только начались. Других удачно заметили, когда ребят уже отправляли в лагерь или когда за ними приехали СПП. Есть несколько странных парнишек, вроде Нико из моей команды. У него... интересная история.

Я не поняла, было ли это приманкой:

– Интересная?

– Помнишь, я рассказывала тебе про «Леду-корпорейшн»? Как правительство предоставило им грант для изучения того, откуда взялся ОЮИН? Нико был... – Кейт пару раз кашлянула, – был одним из их объектов. Мальчишку привезли несколько недель назад, так что вы двое сможете осваивать азы вместе. Но хочу предупредить: он еще немного хрупкий.

Тогда-то я и увидела, что коридор оказался лучшей частью остальных помещений. Как если бы в доме все средства ушли на ремонт прихожей, или хозяева просто решили, что продолжать просто нет смысла. В общем, место выглядело так, будто тебя занесло на стройплощадку и работы на ней еще идут. Стены – серые бетонные блоки на металлических опорах. Пол из крашеного бетона. Все бетонное – везде, всегда. На мгновение я словно снова оказалась в Термонде – так «дружелюбно» смотрелось это место.

Низкие потолки оплетали трубы и провода в яркой изоляции. И хотя в Штабе было не так темно, как в туннеле, естественный свет внутрь не поступал, и мерцающие лампы дневного света заливали пространство нездоровым анемичным сиянием.

Самым необычным в помещении была его форма: дверь из коридора открывалась прямо напротив большой круглой комнаты в центре – ее изогнутые стены были полностью стеклянными. Проход, в котором мы стояли, образовывал вокруг этой комнаты кольцо, и я рассмотрела, по крайней мере, еще четыре прямых коридора, отходявших от него лучами.

– А он какой?

Пока мы шли, я продолжала посматривать по сторонам, наблюдая за фигурами, которые сновали туда-сюда вокруг стеклянного пространства. Внутри его по стенам были развешены несколько телевизоров; под ними стояли круглые, как в кафе, столики, за которыми несколько агентов Лиги играли в карты, ели или читали.

Изогнутый коридор был нешироким. Так что, когда навстречу попадалось сразу несколько человек, кому-то приходилось давать дорогу.

Сначала мы столкнулись с двумя молодыми женщинами в армейском камуфляже. И эта встреча стала подтверждением того, чего я боялась: слухи обо мне уже распространились. Встречаясь глазами с Кейт, все дружелюбно улыбались, но стоило взгляду упасть на меня, как люди огибали нас, держась на максимально возможном расстоянии, и прибавляли шагу.

– Какой он? – повторила я и, увидев непонимание в бледно-голубых глазах Кейт, пояснила: – Какого цвета?

– А-а! Нико – Зеленый. Технический гений. Обрабатывает все, словно программа. Вайда – Синяя. Джуд – Желтый. Это единственная команда со смешанными возможностями. Остальные – строго одного цвета и выполняют во время операций разные вспомогательные функции. – Льющийся сверху свет окрасил белокурые волосы Кейт в жемчужно-белый. – Ты здесь единственная Оранжевая.

Чудненько. Мы прямо как чертова радуга. Только красного не хватает.

– Значит, вам достаются объедки – кого не взяли в другие команды?

Кейт улыбнулась:

– Нет. Я просто выбираю тщательнее других.

Наконец мы покинули внешнее кольцо, нырнув в один из прямых коридоров. Кейт замолчала, не отвечая даже встреченным агентам, вжимавшимся в стены, когда мы проходили мимо. И пока мы шли к двери, помеченной ее именем, нас провожали взглядами, и каждый раз эти взгляды острыми ногтями царапали мне спину.

– Готова? – спросила женщина.

Как будто у меня был выбор!

Оказаться в чужой спальне – все равно что подсмотреть чужую жизнь. И мне было немного неловко – и тогда, и сейчас – увидеть безделушки, которые ей удалось сюда протащить. Комната оказалась тесной, но жить в ней было можно, компактной, но, что удивительно, не вызывающей клаустрофобии. Койка стояла в углу, позади нее Кейт повесила грязное лоскутное одеяло. Узор из ярких красных и желтых маргариток пробивался даже через самые темные пятна. На картонном столике, служившем письменным столом, стояли компьютер, лампа, а еще лежала пара книг и сумка.

И повсюду – рисунки.

Фигурки людей, намалеванные маленькими пальчиками. Карандашные портреты – ни одного знакомого лица. Пейзажи, выполненные углем, которые выглядели такими же безжизненными, как пребывание под землей. Фотографии с приветливыми лицами на фоне заснеженных гор, наклеенные аккуратными рядами, слишком далеко от меня, чтобы разглядеть красивые глянцевые детали. А еще в этом пространстве обнаружились трое.

Высокий и очень худой парнишка мерил шагами крохотное свободное пространство между столом и койкой, но, едва мы вошли, остановился. Голова в красновато-каштановых кудряшках мотнулась в нашу сторону. Его лицо просияло от радости, и подросток бросился к Кейт, обхватывая ее плечи тонкими руками.

– Я так рад, что вы вернулись! – Его голос дрогнул от облегчения.

– Я тоже, – проговорила Кейт. – Джуд, это Руби.

Джуд, весь кожа и кости, выглядел так, словно за пять дней вымахал сантиметров на десять. Нет, некрасивым назвать его было нельзя: подросток просто не до конца сформировался. Ему еще придется дорасти до своего длинного, прямого носа, что же до больших карих глаз – они выглядели сейчас по-мультишному огромными.

На вид Джуду было лет тринадцать-четырнадцать, но двигался мальчишка так, словно все еще не научился справляться с этими новыми длиннющими конечностями.

– Приятно познакомиться! – воскликнул он, обнимая уже меня. – Вы только что вернулись? Все это время ты была в Вирджинии? Кейт сказала, вы там разделились, и она так волновалась, вдруг что-то...

Парнишка перескакивал с одной мысли на другую. Я моргнула, пытаясь высвободиться из его объятий.

– Джудит, подруга явно не в восторге от обнимашек, – раздался из-за спины Джуда чей-то низкий голос. – Отцепись.

Джуд тут же отпрянул назад, издав нервный смешок.

– Извини, извини. Просто рад познакомиться. Кейт так много о тебе рассказывала – ты была в том же лагере, что и Мартин?

Когда мальчик назвал имя другого Оранжевого, его голос странно дрогнул, взлетел вверх и оборвался.

Я кивнула: значит, он знает, кто я. И все же до меня дотронулся. Какой смелый, глупый ребенок.

– А это Вайда там, на кровати, – вмешалась Кейт, подталкивая меня в ту сторону.

Мне показалось, что я невольно пячусь назад, в угол – такова была сила взгляда этой девушки. Странно, что я не заметила ее, сидевшую на койке: вытянутые ноги скрещены, руки

сложены на груди, на лице застыло безразличное выражение. Но теперь, обнаружив ее, я даже поежилась.

Выглядела Вайда роскошно: идеальное сочетание рас и народов: блестящая смуглая кожа, которая напомнила мне теплые осенние дни, миндалевидные глаза, выкрашенные в цвет электрик волосы. Такое лицо ожидаешь увидеть в журнале: высокие, острые скулы и полные губы, на которых, кажется, всегда держится легкая ухмылка.

– Привет. Мило, что ты наконец-то дотащила сюда свою задницу. – Голос ее был громким, глубоким, и она четко выговаривала каждое слово. Когда Вайда поднялась – обнять Кейт, мне показалось, что я невесомая Дюймовочка.

Вместо того чтобы вернуться на кровать, девушка застыла между мною и Кейт. Я знала эту стойку. Сколько раз сама ее занимала, закрывая Зу, Толстяка или Лиамы? Сколько раз это делали они? Стоя спиной к женщине, Вайда внимательно меня изучала.

– Бедняжка. Просто держись меня и будешь в порядке.

«Вот оно как, да?» – подумала я, ошетилившись от ее тона. Обернувшись к Кейт, Вайда, как ни в чем не бывало, снова расцвела в улыбке. Ее темная кожа прямо-таки светилась счастьем.

– Там, в углу, Нико, – перехватила роль хозяйки Вайда. – Чувак, можешь оторваться на пару секунд?

Нико сидел на полу, прислонившись спиной к крошечному комоду Кейт. Мальчишка показался мне маленьким, но я сразу поняла, что Кейт имела в виду, назвав его «хрупким». Дело было не в росте – невысоком или телосложении – щуплом, а в напряженных чертах лица.

– Привет. Приятно познакомиться, – кивнул мальчик, и непослушная прядь отделилась от зачесанных назад и уложенных гелем иссиня-черных волос.

А потом снова опустил глаза на небольшой черный аппарат в его руках, и пальцы запорхали по кнопочкам. Устройство подсвечивало загорелую кожу лица неестественным ярко-белым, выделяя почти черные глаза.

– И что у тебя за история? – поинтересовалась Вайда.

Я напряглась, складывая на груди руки – копируя ее позу. Сомнений не было: если все сложится – если я буду жить с этими ребятами, общаться и тренироваться, – придется держать дистанцию. За последние несколько недель я уже не раз убедилась: если сходишься с кем-то поближе, человек неизбежно становится тебе небезразличен. Границы между вами размываются, и когда приходит время прощаться, вырвать себя из жизни, в которой успел пустить корни, невероятно мучительно.

Но если бы я даже захотела рассказать им о Термонде, словами эту боль не передать. Они не смогут понять, а у меня не получится объяснить, что при одном только воспоминании о саде, фабрике и о больнице я захлебывалась собственной яростью. В моей груди остался ожог, который все еще не зарубцевался, как долго заживают пузыри на руках, оставленные отбеливателем в прачечной.

Я пожала плечами.

– А что насчет Мартина? – спросил Джуд, с силой сплетая пальцы, так что они покраснели. – Нас будет пятеро в команде?

Кейт не пропустила пас:

– Мартина перевели в Канзас. Он будет работать с местными агентами.

Вайда качнулась к ней:

– Правда?

– Да, – подтвердила Кейт. – Место командира группы займет Руби.

Вот и все. Какие бы показные любезности ни выжала из себя Вайда при встрече с Кейт, все они в одночасье рассеялись в одном грубом выдохе. В глазах девушки вспыхнула обида

предательства. Я видела, как она, буквально проглотив рвущиеся наружу слова, заставила себя кивнуть.

– Подождите, что? – поперхнулась я. Я не хотела этого – не хотела ничего такого.

– Круто! Поздравляю! – Джуд дружески толкнул меня в плечо, возвращая в реальность.

– Уверена, вы все окажете Руби гостеприимство и введете в курс дела, – проговорила Кейт.

– Ага, – сквозь зубы процедила Вайда. – Конечно. Все, что пожелает.

– Пойдемте вместе на обед, – весело предложил Джуд, сверкая безоблачной улыбкой и не обращая ни малейшего внимания на то, как застывшая рядом Вайда сжимает и разжимает кулаки. – Сегодня паста!

– Мне надо зайти к Албану, но вы идите вчетвером – заодно покажете Руби спальное место и поможете разместиться, – предложила Кейт.

Едва я вышла в коридор и закрыла за собой дверь, как почувствовала, что кто-то вцепился в мои волосы, крутанул меня и швырнул к ближайшей стене. Перед глазами заплескали черные звездочки.

– Вайда! – воскликнул Джуд. Даже Нико поднял глаза.

– Если хоть на одну долбаную секунду ты решила, будто я не понимаю, что на самом деле происходит, ты ошибаешься, – прошипела Вайда.

– Отцепись от меня, – прошипела я в ответ.

– Я знаю, что история о том, будто Кейт тебя потеряла, – брехня. Знаю, что ты сбежала, – заявила девушка. – Я скорее порву тебя на клочки, чем ты снова причинишь ей боль.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – бросила я и этими словами разозлила ее еще больше.

– Я знаю достаточно, – выплюнула Вайда. – Знаю, кто ты. Мы все знаем.

– Довольно! – вмешался Джуд, хватая меня за руку и оттаскивая от Вайды. – Мы идем обедать, Вай. Хочешь – иди, не хочешь – не надо.

– Приятного, блин, аппетита, – сладким голосом проговорила девушка, но ярость, что она излучала, взрезала воздух между нами и сомкнулась вокруг моей шеи, словно кулак. Словно обещание.

Не знаю, почему, но круг пустых столов вокруг нас заставил меня напрячься. Возможно, по той же причине Джуд посчитал, что должен болтать весь обед напролет, заполняя тишину.

Как только мы сели за один из небольших круглых столиков, агенты и дети повставали со своих мест. Кто-то взял свой поднос и просто ушел, другие пристроились за другими столиками в отдалении, потеснив тех, кто уже там сидел. Я попыталась убедить себя, что это не из-за меня, но некоторые мысли укореняются в тебе, словно хроническое заболевание. Стоит только подумать, что наконец-то ты их победил, как они перерождаются в нечто новое и еще более мрачное. «Конечно, они встали и ушли, – нашептывал мне в ухо знакомый голос. – Вряд ли они когда-либо захотят оказаться рядом с кем-то вроде тебя?»

– ...здесь мы едим и зависаем, если есть свободное время. После обеда тут все убирают, и можно прийти поиграть в карты или пинг-понг или просто посмотреть телик, – сообщил Джуд, набив полный рот салата. – Иногда агент привозит новый фильм, но я в основном торчу внизу, в компьютерном зале...

Находиться в круглой комнате ощущалось чем-то странным, вызывающим дурноту. Ощущение усиливалось еще и тем, что в поле зрения попадал десяток телевизионных экранов сразу. Каждый был настроен на единственный уцелевший национальный новостной канал – оказывается, если залезть в президентский карман, там найдется немало денег, – или цеплял глаз беззвучной застывшей картинкой, если телесигнал прерывался. Выслушивать перечисление всех случившихся за день ужасов, о которых говорили ведущие, сил у меня не было. И я нашла занятие поинтереснее: наблюдать, как вновь прибывшие распределяются по групп-

кам. Забрав тарелки с едой с буфетных столов, дети прибивались к другим детям. Мускулистые парни, возможно бывшие военные, сидели с ребятами точно такой же внешности, было и несколько женщин-агентов.

Я так сосредоточилась на подсчете женщин, что даже не заметила Кейт, пока та не встала прямо позади Джуда.

– Албан хочет тебя видеть, – просто сказала она, потянувшись, чтобы взять у меня поднос.

– Что? Зачем?

Джуд, должно быть, принял мое возмущение за страх, потому что похлопал меня по плечу.

– Ой, нет, не переживай! Он правда хороший. Я уверен... Уверен, он просто хочет поболтать, ведь это твой первый день. И больше ничего. Дело на полминуты.

– Ага, – пробормотала я, не обращая внимания на нотки ревности в его голосе. Очевидно, вызов к руководству был нерядовым событием. – Конечно.

Кейт вывела меня из атриума обратно в коридор, оставив мой поднос на тележке у входа. Вместо того чтобы повернуть вправо или влево, она подтолкнула меня к двери в противоположной стене, которую я раньше не замечала, и чуть ли не потащила за собой вниз по лестнице, которая оказалась за этой дверью. Мы миновали второй уровень и двинулись дальше к третьему. В ту же секунду, как женщина распахнула дверь плечом, я сразу почувствовала себя лучше. Здесь было теплее и суше, чем на верхних этажах с их ползучей сыростью. Меня даже не тревожил запах статического электричества и горячего пластика в огромном компьютерном зале, расположенном точно под атриумом.

– Извини, – сказала Кейт. – Ты, конечно, устала, но он очень хочет тебя увидеть.

Я сцепила руки за спиной, чтобы не показать, как дрожат мои ладони. Пока мы летели сюда, Кейт пыталась изобразить Албана таким благородным джентльменом с острым умом и добрым сердцем – настоящим патриотом Америки. Что, между прочим, несколько расходилось с тем, что я слышала о нем: террорист, организатор более двухсот покушений на президента Грея в дни его поездок по стране, во время которых погибло немало простых людей. Подтверждения этому обнаруживались повсюду: агенты увешали стены газетными статьями и стоп-кадрами последних новостей, будто смерть и разрушение могли служить поводом для торжества.

Сама я знала о Джоне Албане только одно: он основал организацию и назвал ее Детская лига, однако вытаскивал из лагерей лишь тех, кого считал обладателями силы. Кто мог оказаться полезным. И, если чувак окажется не в духе, у меня есть хороший шанс огрести по полной за то, что его план чуть не сорвался.

Мы прошли по другой стороне круглого коридора-петли. Кейт коснулась пропуском черной панели, ожидая сигнала. «Вдруг не сработает», – мелькнула во мне слабая надежда.

Но мы опять устремились вниз по бетонным ступенькам холодной лестницы. Дверь за нами захлопнулась сама собой, загерметизировавшись со всасывающим звуком. Я поражено обернулась, но Кейт мягко подтолкнула меня вперед.

Еще один коридор, но не такой, что я видела наверху, на первом уровне. Лампы здесь светили не так мощно и, казалось, были установлены на мерцающем цикле. Один взгляд в эту сторону, и я вздрогнула, а сердце забилося где-то в горле. Это был Термонд – миниатюрный кусок моей тюрьмы. Ржавые металлические двери, твердые бетонные стены – их ровную поверхность нарушали лишь маленькие смотровые окошки. Но это была тюрьма с двенадцатью дверями вместо многих дюжин, с двенадцатью заключенными – вместо тысяч. Тошнотворный запах с примесью хлорки, голые стены и пол – единственная разница заключалась том, что вздумай мы колотить в двери так, как эти пленники, нас сразу бы наказали. Приглушенные голоса умоляли выпустить их, и я попыталась представить, впервые в жизни, чувствовал ли

кто-нибудь из солдат то же, что и я сейчас: тупую боль, как если бы с силой стянули кожу на голове. Я точно знала, когда их лица выглядывали из окон, а налитые кровью глаза следили за нами, пока мы шли по коридору.

Кейт коснулась пропуском замка последней двери слева, лицо ее скрывала тень. Дверь открылась, и женщина толкнула створку, кивнув в сторону голого стола и стульев.

Свисающая с потолка лампа уже горела, покачиваясь на шнуре. Я застыла на пороге, отпрянув от Кейт.

– Что, черт возьми, происходит?

– Все в порядке, – проговорила она низким, успокаивающим тоном. – Мы используем это крыло, чтобы хранить ценное имущество, а еще держим здесь тех, с кем возникли кое-какие проблемы, с кем нужно побеседовать.

– В смысле допросить? – уточнила я.

«Нет, – подумала я, и понимание черными пятнами расцвело в моем сознании. – Сначала их допрашивал *Мартин*. Теперь это буду делать я».

– Я не... – начала было я. Не доверяю себе, не желаю этим заниматься. Не хочу ничего из этого.

– Я все время буду рядом, – заверила меня Кейт. – С тобой ничего не случится. Албан просто хочет увидеть уровень твоих способностей, и это один из немногих способов их продемонстрировать.

Это было почти смешно. Албан хотел удостовериться, что не прогадал с покупкой.

Кейт закрыла дверь и потянула меня к стулу за металлическим столом. Я услышала шаги и попыталась подняться, но меня тут же усадили обратно.

– Всего несколько минут, Руби. Я обещаю.

«Чему ты удивляешься?» – спросила я сама себя. Я знала, что представляла собой Лига и все они. Кейт как-то говорила, что Лигу создали для того, чтобы раскрыть всю правду о том, что происходит с детьми в лагерях. Забавно, как далеко они ушли от своей миссии. Мне хватило нескольких часов, чтобы понять: все, в чем Лига преуспела за пять лет, это превращенная в солдат горстка детей, похищения и допросы и несколько разрушенных сооружений из тех, что имели особое значение.

В небольшом окошке возникло темное лицо Албана, за ним маячили фигуры еще полуджины мужчин. Его голос просочился сквозь потрескивающую внутреннюю связь:

– Мы готовы приступить?

Кейт кивнула и, отступив назад, пробормотала:

– Просто делай, что тебя просят, Руби.

«Всю жизнь только это и делаю».

Дверь открылась, и в комнату вошли трое.

Два здоровяка-агента в зеленой униформе и маленькая женщина, которую они втащили внутрь и привязали пластиковыми стяжками к другому стулу. Ее голову скрывал капюшон из мешковины, и, судя по мычанию и протестующим стонам, рот был заткнут кляпом.

Мою шею свело от ужаса, страх медленно пополз вниз по позвоночнику.

– Здравствуй, моя дорогая, – снова прошипел голос Албана. – Надеюсь, этим вечером ты прибываешь в добром здравии.

Джон Албан оставался советником в кабинете президента Грея, пока его собственная дочь, Алиса, не была убита ОЮИН. Как мне объяснила Кейт, Албан не справился с чувством вины. Но когда он попытался донести до остальных правду – не глянцевую, засахаренную версию о лагерях, обратившись в крупные газеты, ни одна не решилась обнародовать его историю. Президент Грей ужесточил и без того безжалостный контроль за СМИ. Таковы были последствия взрыва в Вашингтоне: хорошие парни остались неслышанными, плохие – получили все преимущества.

Джон Албан был уже немолод, его темная кожа так же выдавала его возраст, а из-за тяжелых мешков под глазами лицо тоже казалось обвисшим.

– Разумеется, мне невероятно приятно видеть тебя здесь. Мы с моими советниками очень хотели бы оценить пределы твоих способностей и понять, какую пользу они могут принести нашей организации.

Я кивнула, язык прилип к небу.

– Мы считаем, что эта женщина передает информацию людям Грея, саботируя операции, на которые мы ее посылаем. Я бы хотел, чтобы ты исследовала ее последние воспоминания и сказала бы мне, правда ли это.

Он что, считает, это так легко? Глянул внутрь – и получил все ответы? Я выпрямилась и пристально посмотрела на него через стекло. Я хотела, чтобы Албан понял: я догадалась, что он укрывается за дверью не от этой женщины, а от меня.

Все, что мне нужно было сделать, завоевать его доверие и получить частичку свободы. И когда придет время, он пожалеет, что сам предоставил мне возможность оттачивать свои способности; проснувшись однажды утром, он обнаружит, что я ушла, не оставив и следа в этой подземной дыре. Время работало на меня. Удостоверившись, что остальные в безопасности, я разорву сделку и сбегу отсюда.

– Вы должны назвать мне конкретную операцию, – возразила я, не зная даже, слышит ли меня Албан. – Иначе мы можем проторчать здесь всю ночь.

– Понимаю, – протрещал голос. – Думаю, нет нужды говорить, что все увиденное и услышанное тобой в этом зале – конфиденциальная информация, к которой у твоих сверстников нет и не было доступа. Если мы обнаружим, что какие-то данные стали общественным достоянием, не обойдется без... последствий.

Я кивнула.

– Превосходно. На днях этот агент ходил на встречу со связным, чтобы получить конверт.

– Где?

– В окрестностях Сан-Франциско. Точнее сказать не могу.

– У связного есть имя?

Последовала долгая пауза. Нетрудно было догадаться, что за дверью совещаются. Наконец Албан объявил:

– Амброуз.

Двое солдат, что привели женщину, попятившись, вышли. Она услышала, как щелкнул дверной замок, но когда я потянулась к ее связанным запястьям, женщина попыталась увернуться от моего прикосновения.

– Амброуз, – бормотала я. – Сан-Франциско. Амброуз. Сан-Франциско...

Снова и снова повторяя эти слова, я погрузилась в ее разум. Напряжение, которое копилось во мне с того самого момента, как я взошла на борт самолета в Мэриленде, мгновенно схлынуло. Я наклонилась ближе к женщине, стремительный поток мыслей заструился через ее сознание. Они оказались ослепительно-яркими – от них исходило настолько болезненно-насыщенное свечение, словно каждое воспоминание окутывал чистый солнечный свет.

– Амброуз, Сан-Франциско, информация, Амброуз, Сан-Франциско...

Этому приему меня научил Клэнси – упоминания определенных слов, фраз или имен нередко достаточно, чтобы найти нужную главу в чьих-либо мыслях.

Женщина расслабилась под моими пальцами. Готова.

– Амброуз, – тихо повторила я.

Стоял полдень или около того; я была ею, а она – мной, и мы быстро подняли глаза на солнце, стоящее прямо над нами. Картинка мерцала, когда я бежала через пустынный парк, черные тенниски скользили по некошенной траве. Впереди замаячила постройка – общественный туалет.

В моей руке внезапно появился пистолет, что меня несколько не удивило. По мере того как я погружалась в ее разум, вместе с «картинкой» приходили и другие чувства: запах – там, звук – здесь, прикосновение. С того мгновения, как оказалась в этих воспоминаниях, я ощущала холодный металл за поясом шортов.

Человек, ожидавший позади здания, даже не успел повернуться, как уже лежал на земле с дыркой размером в доллар на затылке. Я отскочила, отбросив запястье женщины. Последним, что я увидела, прежде чем разорвать связь, была синяя папка и ее содержимое, разлетающееся по ветру и падающее в расположенный неподалеку пруд.

Я открыла глаза, хотя мигание свисающей с потолка лампочки отдавало в голове болью. По крайней мере, не мигрень – с каждым таким погружением боль постепенно становилась слабее, но дезориентация никуда не девалась. Мне потребовалось две секунды, чтобы вспомнить, где я, и еще две – чтобы обрести дар речи.

– Она встретила с мужчиной в парке, за общественным туалетом. Подошла к нему сзади и выстрелила в голову. Информация, которую он принес, лежала в синей папке.

– Ты видела, что произошло с папкой? – В голосе Албана звучало восхищение.

– Она на дне пруда, – ответила я. – Почему она его застрелила? Если он был связным...

– Достаточно, Руби, – оборвала меня Кейт. – Впустите их, пожалуйста.

Женщина обмякла на стуле – все еще не пришла в себя после моего проникновения. Она не сопротивлялась, когда солдаты освободили ее от пут и подняли со стула. Но мне показалось... мне показалось, я услышала, как она плачет.

– Что с ней будет? – с нажимом спросила я, поворачиваясь к Кейт.

– *Достаточно*, – снова повторила она, ее тон заставил меня вздрогнуть. – Мы можем попросить вашего разрешения уйти? Вы удовлетворены результатами?

На это раз Албан встретил нас у двери, но так и не преодолел то последнее расстояние между нами. Даже ни разу не посмотрел мне в глаза.

– О да, – тихо сказал он. – Мы более чем удовлетворены. Ты обладаешь особенным даром, моя дорогая, и вряд ли понимаешь, что это означает для нас.

Как раз понимаю.

Лиам немного рассказал мне о своем пребывании в Лиге; оно было коротким и жестоким, и таким болезненным, что он воспользовался шансом слить при первой же возможности. И, хотя мы об этом и не подозревали, он подготовил меня к новому витку моей жизни. Предупредив меня один раз, второй, третий о том, что Лига будет контролировать каждый мой шаг, будет требовать, чтобы я забрала чью-нибудь жизнь просто потому, что им так надо, им так хочется. Он рассказал мне о своем брате, Коуле, о том, кем тот стал в заботливых руках Лиги.

Коул. Я знала из сплетен, которые ходили в Лиге, что он был мегакрутым – агентом под прикрытием с колоссальной эффективностью. Знала от Лиамы, что его брат буквально подпитывается энергией пистолетных выстрелов.

Однако никто, даже сам Лиам, не удосужился упомянуть одного: насколько похоже, невероятно похоже они выглядели.

Глава третья

По какой-то причине Джуд самовыдвинулся в качестве единственного члена приветственного комитета. Когда я вернулась в штаб со своей первой операцией, его долговязая, вышагивающая из стороны в сторону фигурка маячила в конце коридора, и торпедой метнулась ко мне, чтобы обрушить на меня лавину вопросов. Шесть месяцев спустя он по-прежнему был единственным, кто ждал нас на том же месте, награждая за благополучное возвращение широкой улыбкой.

Когда Вайда приложила свой пропуск к двери, я приготовилась к последствиям. Роб и остальные члены опергруппы уже доставили Коула Стюарта в штаб, но я заставила нас задержаться – не спешить спускаться в туннель. Было важно дать Робу получить все поздравления за успех операции – пусть поваляется в славе, словно собака в траве. Когда агенты вошли в дверь, до нас донеслись приветственные восклицания, мы видели, как, заходя в помещение Штаба, они вскидывают кулаки, практически забыв о Коуле в кресле-каталке.

В длинном белом коридоре уже никого не осталось – только эхо ликующих голосов, которые сопровождали появление агентов. Мужчины шагали дальше, и оживленный гул постепенно затихал, пока мое собственное дыхание не осталось единственным звуком. А еще мне бросилась в глаза пустота в конце коридора, там, где обычно стоял Джуд.

– Ах, слава тебе, Господи! – пробормотала Вайда, воздевая руки над головой. – Настал день, когда мне не придется вправлять позвонки после его мертвой хватки. *Адьюс*, пупсик.

Наверное, для кого-то «пупсик» считается ласковым обращением. В устах Вайды оно звучало так, что ты чувствовал себя одной из тех маленьких – с мозгами меньше грецкого ореха – собачек, которые от возбуждения постоянно писаются.

Я промолчала и повернула налево, к комнате Кейт и других старших агентов, чтобы отметить. Я постучала, подождала, потом постучала еще раз. Ответа не было. Через пять минут я просунула голову в атриум – посмотреть, вдруг она там. «Наверняка присоединилась к остальным», – думала я, сканируя почти пустое помещение. Ее светлые волосы не были замечены ни за одним из столиков, зато обнаружилась копна темно-рыжих кудрей как раз напротив одного из телевизоров.

Мне не удалось быстро улизнуть, – за те две секунды, что я пялилась на него, мальчик поймал мой взгляд. Джуд взглянул на свои старые пластиковые наручные часы, а потом, в ужасе, – снова на меня.

– Ру! – воскликнул мальчишка, приветственно помахав рукой. – Прости! *Прости* меня. Я совсем потерял счет времени. Все хорошо? Ты только вернулась? Где Вайда? Она?..

Совру, если скажу, что мне не захотелось развернуться и слинять, прежде чем Джуд полетел ко мне и, впевившись в мои руки, потащил за собой через всю комнату. Я не сразу увидела Нико, сидевшего на другом конце стола за цементным столбом – потому-то от двери мальчик и не попал в поле моего зрения. Нико замер в полной неподвижности. Как окаменел. Я проследила за его застывшим взглядом, прикованным к маленькому устройству на столе. Переговорник.

Небольшой, размером с мобильный – легко спутать, если не приглядеться. Для их изготовления в дело пустили старое поколение телефонов – кнопочных, без сенсорных экранов. Новый корпус был задуман овальным и достаточно тонким, чтобы свободно проскальзывать в задний карман или рукав во время уроков.

Парочка Зеленых изобрели это маленькое сокровище для того, чтобы агенты передавали цифровые сообщения, фотографии и короткие видео домой и уже не уничтожали одноразовые телефоны десятками. Технология, стоявшая за всем этим, в основном была для меня загадкой, но я понимала, что для связи использовалась невзламываемая сеть, разработанная Зеле-

ными. Переговорники служили только для связи с другими переговорниками сети, и только если ты знал секретный код. Однако устройства оказывались бесполезны, если нужно было отправить большое изображение или видео дольше тридцати секунд. Потому Албан отказался от их использования «в поле» – отверг, посчитав забавой скучающих детей. Насколько я знала, теперь Зеленые использовали переговорники, только чтобы просто болтать друг с другом в переделах Штаба, когда сидели на разных занятиях или ночью после отбоя.

– ...действительно вернулся? Ты встретила с агентом? Он правда такой крутой, как говорят? А мы можем?..

– Что происходит? – спросила я, поочередно глядя то на Нико, то на экран телевизора. Транслировался канал, показывающий только местные калифорнийские новости и погоду.

Похоже, что этого вопроса парнишка не ожидал – Джуд напрягся, как обычно выпучив глаза, затем с трудом выдавил жалкую улыбку.

– Что происходит? – повторила я.

Стрельнув глазами в сторону Нико, Джуд сглотнул, а потом склонился к моему уху. Его глаза сканировали атриум, словно в поисках укромных углов, которых не было.

– Блейка Говарда отправили на операцию, – объяснил он. – Мы просто...

– Блейка Говарда? Зеленого из первой команды?

Его же можно пришибить одним прицельным чихом?

Джуд кивнул, бросая еще один нервный взгляд мне за спину.

– Я просто... волнуясь, понимаешь? Нико тоже.

Тоже мне новость. Нико никогда не отказывался от хорошей теории заговора, особенно когда речь шла о Лиге. Каждый агент был двойным агентом. Албан на самом деле работал с Греем, чтобы разрушить Федеральную Коалицию. Кто-то пытался отравить нашу воду свинцом. Понятия не имею, откуда парень этого набирался, может, это был всего лишь способ, которым его мозг, неспособный отключаться, обрабатывал всю поглощаемую информацию.

– Они, наверное, на что-то его обменяли, – предположил Нико, хватая переговорник. – На информацию? На возможность вернуть другого агента? А что? Не такой уж и бред. Здесь и без того полно Зеленых. Никому не нравится, что нас так много. Мы им не нравимся.

Я изо всех сил старалась не закатить глаза.

– Операция была как-то связана с техникой? – спросила я.

– Ну да, – торопливо ответил Джуд, – но еще никогда наружу не отправляли детей из первой команды? Считается, что их можно использовать только в Штабе.

Джуд был прав. Вайда называла их *птенчиками*, и прозвище к ним так и прилипло. Все Зеленые обладали невероятными способностями к логике и умозаключениям, и Лига использовала их для расшифровки кодов, создания компьютерных вирусов, изобретения всевозможных безумных устройств. Все они ходили спотыкающейся походкой, Нико тоже. Мелкими шаркающими шажками, волоча ноги по плитке, из-за чего подошвы их кроссовок издавали скрипучие звуки. Уверена, Зеленые неосознанно перенимали эту привычку друг у друга; всегда двигаясь в такт, словно части одного механизма.

– Он совершеннолетний и обладает кучей навыков, которые могли бы пригодиться, – заметила я. – И я совершенно точно знаю, что остальные Зеленые на этой неделе заняты. Возможно, он оказался последней надеждой.

– Нет, – возразил Джуд. – Мы думаем, его выбрали специально. Потому что хотели именно *его*.

Джуд надолго замолчал, но потом собрался с духом и снова поднял на меня глаза. Выражение его лица было смущенным и одновременно испуганным.

– Ты чего-то недоговариваешь? – уже мягко спросила я. – Я чего-то не знаю?

Джуд скрутил растянутый подол своей рубашки в узел. Нико просто глядел потухшими глазами перед собой, не отводя их от переговорника.

– Пару дней назад, – начал Джуд, – Я, Нико и... Блейк просто здесь тусовались. Попытались собрать дистанционно управляемую машинку из разного компьютерного лома.

– Так...

– Нико поднялся поговорить с Кейт, а мы с Блейком устроили машинке ходовые испытания прямо здесь, на полу. Было уже около двух, кругом пусто. Вот мы и подумали, что никого не побеспокоим. Но... знаешь комнаты, где хранятся всякие штуки для операций? Типа жилетов, дополнительных боеприпасов и всего такого.

Я кивнула.

– Мы услышали в одной из них голоса. Я еще подумал: может, парни просто играют в карты или что-то типа того. Иногда они делают это здесь: так они могут перемыть косточки Албану или кому-нибудь из советников, – говорил Джуд, и голос его начал дрожать. – Но потом я услышал, о *чем* они говорили – они не играли, Ру, а обсуждали нас. Роб, Джарвин и парочка их приятелей. Они все время повторяли: «Снизить поголовье фриков» или «Поставить Албана на место», и что они собираются доказать, что мы – просто трата времени и... и ресурсов.

Холод пробрал прямо до костей. Я схватила ближайший стул и подтащила его поближе к Нико. Джуд сделал то же самое, нервно сплетая и расплетая пальцы.

– И они поняли, что ты подслушивал?

– Знаю, что сглупил, но когда я услышал это, то перепугался – я не хотел! – и уронил машинку. Мы убежали до того, как дверь открылась, но, уверен, что нас увидели. Я слышал, как Роб окликнул меня по имени.

– И? – с нажимом спросила я, а в мозгу уже вспыхивали предположения, преимущественно опасные.

– И вот Блейка отправили на операцию, хотя он и из первой команды. Джарвин заявил, им нужен Зеленый, чтобы взломать серверную компании, и у Блейка не было выхода.

Я медленно откинулась назад. «Снизить поголовье фриков». Ухо, принявшее на себя основной удар взрыва этой гранаты, казалось, билось собственным пульсом.

«Это несчастный случай, – убеждала я себя. – Роб просто поступил опрометчиво». Но вторая ложь звучала еще менее убедительно, чем первая. Снизить поголовье фриков. Как? Подставляя их во время операций, а потом списывая все на несчастный случай? Роб уже убивал детей – я знала только о тех двоих, что мелькнули в его памяти, но вряд ли он сделал это в первый или в последний раз?

О боже! Ослепляющая волна тошноты ворохнулась в желудке. Он убивал их, чтобы «регулировать» число детей здесь, внизу?

Нет... нет, нужно взять себя в руки. Мысли разбегались и выходили из-под контроля. Это всего лишь Джуд и Нико – мальчишки, у которых слишком много свободного времени, вот от нечего делать они и придумывают всякие ужасы. Вечно ищут себе на голову неприятностей, а потом строят оскорбленную невинность, когда эти неприятности действительно случаются и надирают им тощие задницы.

– Это просто совпадение, – отрезала я. Но не успела ничего добавить, потому что в комнате внезапно громко прозвучало мое имя. Один из советников Албана – его лицо напоминало мордочку енота, стоял в дверях Атриума:

– Он хотел бы поговорить с тобой через час у себя в кабинете.

С этими словами советник удалился. Наверняка он был в бешенстве из-за того, что пришлось выступить в роли посыльного.

– Чего он хочет? – спросил явно перепуганный Джуд.

Встреча с «ходячим костюмом» так далеко от Албана была событием, я бы не удивилась, узнав, что советники каждую ночь вламываются в его спальню и, пока Албан спит, по очереди вливают в его уши разные планы и всякую ерунду.

Совет при Албане состоял из десяти человек, всем уже было за пятьдесят. Каждый возглавлял и контролировал свое направление деятельности Лиги. Советники согласовывали и утверждали операции, отвечали за обеспечение и за новые контакты, нанимали тренеров, управляли финансами Лиги. Таким образом Албан мог сосредоточиться на «целостной картине» и основных задачах.

Джуд утверждал, что они собрались здесь лишь потому, что Грей по той или иной причине жаждал их смерти. Так что у них не было выбора, кроме как залечь на дно. Я до сих пор не знала и половины имен – большинство советников старались никогда не общаться с психиками напрямую. Гораздо легче оказалось придумать им прозвища. Чаще всего мне попадались Енотопицый, Обезьяноухий, Лошадинозубый и Жабогубый.

Не слишком изобретательно, зато точно.

– Вызывают с отчетом? Уже? – спросил Джуд, взглянув на экран.

Я потянулась и щелкнула выключателем.

– Эй!

– Опоздаешь, – заметила я, кивая на настенные часы. – Еще две минуты и инструктор Джонсон вlepит тебе выговор.

– И что? – огрызнулся в ответ Джуд. – Это важнее!

– Важнее, чем в итоге получить задание? – спросила я. – Последний раз, когда я проверяла, ты был в двух выговорах от того, чтобы навсегда застрять в запасе.

Это был подлый ход, что подтвердил кипящий взгляд Нико. Но он знал и даже лучше меня, что за возможность отправиться на задание Джуд был готов отдать обе руки.

Я выпроводила мальчишек и довела прямо до тренировочного зала – на случай, если они удумают смыться. Команды, с которыми мы обычно занимались: Вторая, Третья и Четвертая – уже были там и разминались. Их темные фигуры отражались в зеркальной стене. Это было единственное помещение во всем Штабе, где пахло по-человечески. Вонь вспотевших разогреченных тел приносила сюда порцию настоящей, осязаемой жизни. Все лучше, чем плесень.

Когда я открыла дверь, инструктор Джонсон кивнул мне, люминесцентные лампы выбежали и без того светлые волосы. Сегодня мы с Вайдой были освобождены от уроков и тренировок, но завтра нам все предстояло по новой. Я снова вернусь к обычной рутине, с облегчением благодаря судьбу, что можно не думать ни о чем, кроме того, как я перемещаюсь с одного урока на другой, из одной двери в другую. Школа выживания – спасибо Термонду.

Пусть Джуд с Нико и ненавидят меня за это – мне все равно. Я не могла позволить себе напиться их страхом, накручивая себя еще больше. Я так старалась оставаться равнодушной, безразличной по отношению к этому месту и не могла никому позволить разрушить это состояние. Они уже получили мое внимание, заботу, защиту, но этого не получают.

Приняв душ, поев, переодевшись и собравшись с мыслями, я была готова встретиться с Джоном Албаном. Но он не был готов встретиться со мной.

Об основателе Лиги можно было сказать многое, возможно, даже что-то хорошее. Умный – отрицать этого не мог никто. Все, чем стала Лига, случилось исключительно благодаря ему. Просто некоторым казалось, что настало время атаковать Грея на «новом уровне», другие давили на Албана, чтобы тот придерживался принятого курса, «раз уж это работает».

Я считала, что Албан имел полное право подумать над таким серьезным вопросом подольше, но и нетерпение остальных тоже было объяснимо. Я знала, они хотели извлечь выгоду из растущего недовольства и шума протестов, которые мы отслеживали.

За дверью слышались голоса, сначала тихие, а потом накалившиеся настолько, что я напряглась. Чем дольше я стояла, прислушиваясь, тем больше таяло желание постучать.

– Нет! – горячился Албан. – Боже мой, нет! *Нem!* Сколько раз я должен повторить это слово, чтобы оно пополнило твой словарный запас? Я ответил «нет», когда ты сначала предло-

жил это старшему составу, потом убедил Джарвина предложить это Наставникам, таким мой ответ остается сейчас.

– Вы даже не подумали над...

Я инстинктивно качнулась назад, прочь от резкого голоса Роба.

– Думаете, мы можем продолжать, не заявив о себе как следует? Сколько *этих существ* просто протирает штаны в Штабе, забирая наше время и энергию?

– Они не *существа*, – оборвал его Албан. – И тебе это хорошо известно. Это не обсуждается. Цель никогда не оправдывает средства, как бы вы ни старались. Никогда. Они – дети.

В глубине моего сознания мысли от услышанного начали переплетаться с другими, более мрачными, но я заставила себя сконцентрироваться на том, что происходило за дверью. Не сейчас.

– Вы же сами постоянно повторяете: «Все, чтобы избавиться от Грея»? Беспорядков будет более чем достаточно, чтобы атаковать, разрушить лагерь, разнести информацию по этой проклятой стране. Теперь это единственный способ. Наши фальшивые пропуска раскрыты – мы даже не можем вытащить собственных агентов, которых сами внедрили в лагерь. А они нас ждут! Мы все ждем, чтобы вы *что-нибудь* сделали! Что-нибудь решили!

Последовала долгая, горькая тишина. Какие бы слова Албан ни искал, они не находились. Я больше не могла рассуждать здраво и взвешенно. Какой план мог заставить его выйти из себя?

– Я просто предупреждаю вас, – более спокойно продолжил Роб, – даже я слышал, что агенты задаются вопросом, какой политики мы придерживаемся. И многие даже подумывают, что в конечном счете вы хотите возобновить отношения с Греем. Скучаете по другу.

Я закрыла глаза. Негласное правило предписывало ни в коем случае не поднимать вопрос бывшей дружбы Албана с президентом Греем и первой леди. Однажды Кейт сказала мне, что Албан не переносит даже напоминание о том, как он был министром внутренней безопасности – полагаю, наш руководитель не жаждал вспоминать, что принадлежал к узкому кругу людей, наслаждавшихся закрытыми ужинами в Белом доме.

Вмешался новый голос:

– Джон, давайте не отвергать этого полностью. Эта тактика уже использовалась раньше, и она эффективна. Никто не узнает. У нас есть способ скрыть механизм...

Я так сосредоточилась на разговоре, что не услышала прихрамывающих шагов, не заметила, что ко мне кто-то подошел сзади. Только когда, потоптавшись у меня за спиной, человек похлопал меня по плечу, привлекая внимание.

– Тебе стоит держать язык за зубами, Кейт Замочная Скважина¹, – бросил Коул. – Расскажи тебе сказку о любопытном коте?

Отпрыгивать от двери и притворяться, что я не подслушивала, было уже поздно. К тому же меня одолевала тревожные мысли, чтобы еще беспокоиться и об этом.

Медик из команды Роба хорошо поработал, зашив глубокие порезы на лице Коула, привел в порядок его лицо. Парень облачился в свободную рубашку и штаны на несколько размеров больше, но, по крайней мере, он вылез из своих изгвазданных блевотиной тряпок. Коул выглядел другим, и я была рада этому. По крайней мере, я могла на него смотреть.

И, наконец, получила возможность изучить его как следует.

Когда Лиам рассказал, что у него есть старший брат, я решила, что тот гораздо старше – лет двадцати пяти – двадцати шести, как Кейт. Но на обратном пути услышала, как кто-то из опергруппы Роба жаловался на Коула. На то, что тот ведет себя как полный говнюк. И что парню всего-то двадцать один, а Албан отдает ему все серьезные операции. *Этакий золотой парнишка.*

---

¹ Героиня комиксов, любительница подсматривать в замочные скважины.

Всего лишь три года отделяло его от Лиам. От последствий ОЮИН. Коул принадлежал к малочисленному поколению, которое оказалось немногим старше, но все же достаточно для того, чтобы избежать заболевания.

– Нам так и не удалось поговорить в самолете, – сказал он, перевязанными пальцами перебрасывая мне влажные волосы за плечо.

Коул был выше, чем Лиам – ему пришлось наклониться, чтобы внимательно изучить мое лицо. И в этот момент дерзкая улыбка озарила его собственное. Кажется, он был уже в плечах, и талия была тоньше, однако в его позе угадывалось нечто знакомое...

Я потрясла головой, надеясь, что воздух остудит мои пылающие щеки, и постучала в дверь. Спорщики сразу же замолчали. Когда я вошла, Албан поднялся из-за стола темного дерева, закрыл ноутбук и выключил тихо бормочущий радиосканер, стоявший на соседнем столе. Роб и Жабогубый уже стояли, лица их покраснелись от бурных пререканий. Увидев нас с Коулом, Роб закатил глаза и отвернулся, прислонившись к одному из многочисленных стеллажей Албана, уставленных бесполезными безделушками из его прежней жизни.

– Сэр, – начала я, – вы хотели меня увидеть?

– Боже мой! Садись, садись, – воскликнул Албан, махнув рукой на складное кресло напротив него. – Вы оба выглядите ходячими мертвецами.

– Я в порядке, – пробормотала я, машинально добавив «спасибо». Я ненавидела, как жалко мой голос звучал в его присутствии. *Ненавидела.*

Албан опустил обратно в кресло, растягивая губы в улыбке, обнажившей желтые зубы. Он редко улыбался на публике – если за твою голову назначено целое состояние, поводов для веселья немного. Когда с ним записывали очередное видеообращение, при окончательном монтаже рябую кожу всегда ретушировали, лицо – осветляли. А еще его любили при помощи фотошопа разместить на фоне американской природы или в городе, создавая впечатление, что Албан не боится показываться на улице, что было совсем не так.

– Если никто из вас троих не возражает, я бы хотел выслушать отчет об операции по спасению агента Стюарта прошлой ночью. Думаю, это не терпит отлагательств.

Мужчина подождал, пока Коул опустится на кресло рядом с моим, после чего потянулся к нему через стол, чтобы обменяться рукопожатием.

– Не могу передать словами, как я рад снова видеть тебя, мой дорогой мальчик.

– Что ж, вам повезло. – Коул медленно тянул слова, в которых звучала неприкрытая горечь. – Похоже, теперь вы вдоволь насмотритесь на этого красивого мальчика.

«Прекрати! – приказала я себе. Это не был Лиам, как бы похоже ни выглядели братья. Как бы похоже ни звучали их голоса. – Сосредоточься на отличиях».

Фигурой Коул был явно плотнее брата, смотрелся более рельефным, что ли. Еще он успел подбрить виски, и теперь его волосы выглядели гораздо темнее блондинистой шевелюры Лиам. Лиам, которого я знала, был порывистым и всегда готовым согреть своим теплом. Здесь же сидел его старший брат, жесткий и избитый до полусмерти, и казался вырубленным из льда. В таком же состоянии я оставила и Лиам. Мне стало страшно от того, как быстро мой разум подменял одного брата другим. Стоило только вообразить, что Лиам здесь, снова рядом со мной, как становилось легче дышать и сил словно прибавлялось.

«Прекрати. Это».

Жабогубый закрыл дверь кабинета и отступил в угол маленькой комнаты, юркнув в тень Албана.

– ...в обычных условиях никогда бы не прервал твоё восстановление, – журчал Албан, – но после устного доклада агента Мидоуса возникает ощущение, что имела место некоторая, так сказать, неразбериха. Руби, мне интересно услышать, что произошло, с твоей точки зрения.

Я не заметила, что он обращается ко мне, пока Роб не отлепился от книжного шкафа. Он глубоко вдохнул, и его широкие плечи расправились еще больше. Отправляясь на задание,

мужчина снова постригся совсем коротко, и черты его лица обозначились резче. Даже тени теперь иначе ложились на его кожу.

Господи, зачем это все? Где Кейт? Я никогда не отчитывалась об операции без нее, и никогда здесь, в кабинете Албана, за закрытой дверью. Удивительно, что я так разнервничалась: я не доверяла ей, но, выходит, мало-помалу привыкла к ее молчаливому, успокаивающему присутствию, готовности подхватить, если оступлюсь.

– Мы... ждем кого-то еще? – осторожно, как можно более спокойным голосом, спросила я.

Албан понял мой вопрос.

– Это просто неформальный разговор, Руби. Уровень секретности этой операции означает, что мы не можем провести разбор полетов перед всей организацией. Ты не должна стесняться и можешь говорить откровенно.

Я прижала руки к коленям, пытаюсь унять дрожь.

– Во время полета агент Мидоус, – начала я таким громким голосом, что даже самой стало некомфортно, – прошелся с нами по основным пунктам задания, рассказав о цели и о том, что известно об структуре этого конкретного бункера. Он также напомнил нам о запасных планах, которые мы обсудили до отъезда.

Широкий рот Албана явно не был приспособлен скрывать чувства хозяина. Один уголок дернулся:

– А какой-нибудь из этих запасных планов предполагал, что вы с Вайдой покинете бункер?

– Нет, сэр, – ответила я. – Агент Мидоус приказал нам занять позицию на лестничной клетке и прикрывать их оттуда.

Албан положил локти на стол и подпер подбородок пальцами:

– Не могла бы ты объяснить, почему вы ушли?

Я не смотрела на Роба, но знала, что он не сводит с меня глаз. Все взгляды были нацелены на меня, и от их тяжести у меня сложилось впечатление, что «Мидоус» уже ответил на этот вопрос сам.

«Если из-за меня у Роба будут неприятности, – подумала я, – будут ли неприятности у меня самой?» Его вспыльчивость была всем известна. Я знала, что, когда решила выбраться с Вайдой наружу, Роб точно разозлится. Какова же будет его реакция, если я сдам его и расскажу остальным, что случилось на лестнице? Я не могла позволить им увидеть, что меня мучают подозрения, не могла задать вопросов, которые хотела задать. «Почему ты не предупредил нас?» Тогда мой коммуникатор еще работал, и я бы услышала.

– На лестничной клетке стало... опасно. Я дала Вайде команду уходить, так мы могли бы контролировать ситуацию снаружи.

– И ты не сообщила мне об этом, потому что... – спросил Роб, почти выдавая себя гневом.

– Мой коммуникатор сломался, – ответила я, – вы же это видели, когда мы перегруппировались.

Он крякнул.

– Хорошо, – помолчав, проговорил Албан. – На лестничной клетке было небезопасно? Как так?

«Там взорвалась граната. Роб взорвал гранату», – шесть слов. Идеальный способ заставить Роба испытать все унижение выговором, который он заслужил. Албан бы мне поверил. Он никогда, ни разу, не сомневался в моем слове – даже защищал меня перед своими советниками, когда мне случалось вытащить нежелательные новости из очередного неудачника. Шесть слов, чтобы сказать ему правду: Роб запорол порученную ему операцию, по глупости или умышленно, а мы с Вайдой были на волоске от того, чтобы погибнуть.

И вдруг я прозрела – сама не поняла, как родилась во мне эта уверенность, но это было настолько же очевидно, как гремящая в ушах кровь. Если поймаю его сейчас и макну в собственную лужу, в следующий раз он возьмет меня на мушку и не промахнется.

– Она была... плохо построена и рухнула, – объяснила я. – Не выдержала нашего веса. Жуткая конструкция.

– Хорошо, – протянул Албан. – Агент Стюарт сообщил, что на самом деле его нашли вы с Вайдой. Как это случилось?

– Она и та, вторая, полностью проигнорировали мой приказ вернуться в бункер, вот как! – заявил Роб. – Я точно знаю: вторая его слышала. Знаю: это *ты* отказалась возвращаться назад.

Все четверо мужчин повернулись ко мне. Поле моего зрения сузилось – по краям снова проступила чернота. Я прижала руку к горлу, оттягивая тугой воротник – у меня сковало горло, и я пыталась набрать в грудь воздуха, прорваться сквозь спазм.

Я хотела Лиама. Все, чего я хотела, это Лиама, прямо здесь, рядом, чтобы вдохнуть запах его кожи, дыма, сладкой травы.

– Руби, – сказал Албан голосом столь же спокойным, глубоким и терпеливым, как море, – не могла бы ты ответить на мой вопрос?

Я хотела, чтобы все это закончилось. Хотела вернуться в спальню, залезть в койку под покров холодной тьмы и провалиться в ничто.

– Он прав. Я велела Вайде игнорировать приказы. Когда мы вылезли наружу, то увидели нацгвардейцев. Они выводили заключенных из тайного выхода, о котором не было известно. Я не спросила разрешения продолжать. Хотя знаю, что должна была.

– Потому что прекрасно знаешь: единственное, что ты должна делать – это выполнять приказы своего командира! – рявкнул Роб. – Мы не потеряли бы столько людей, останься вы там и прикрывая наше отступление?

Телевизоры позади Албана были выключены, но клянусь, я слышала их шипящее дыхание тем отчетливей, чем дольше мужчина молчал. Не отрывая от меня взгляда, он прижал ладонь к макушке.

И тут полился голос Коула с южными, подобно сладкому чаю, нотками:

– Ну и слава богу, что ты послушалась; иначе я был бы уже на полпути в пекло.

Стало ясно, что я недооценивала вес Коула в организации. Нет, *вес* – не то слово. Скорее уж, власть, основанную по большей части на обаянии, поддержанном смертоносной эффективностью. Брови Албана поползли вверх, но он только кивнул, позволяя Коулу продолжать.

– Давайте хотя бы здесь называть белое белым, вот что я хочу сказать, – предложил Коул, откинувшись, усаживаясь поудобнее. – Именно Руби меня вытащила. И ее еще и отчитывают?

– Она не подчинилась моим прямым приказам!

Коул скучающе отмахнулся от Роба небрежным движением руки:

– Господи, посмотрите на эту бедную девочку! По моей милости из нее выбивают дерьмо. Если вы полагаете, что я буду помалкивать и позволю ей взять на себя вину за задание, которое, между прочим, завершилось успехом, ошибаетесь.

Окружающие молчали, и я уже открыто посмотрела на самодовольное лицо Коула, потом – на убийственное Роба. Небольшое пространство между ними наполнилось не просто недоверием и раздражением – тут была многолетняя история, насыщенная ненавистью, причин которой я не понимала.

Напряжение, омрачавшее лицо Албана, стерлось, словно бы смытое дождем. Наконец, мужчина тоже улыбнулся.

– Здесь я склонен согласиться с агентом Стюартом. Руби, спасибо, что быстро приняла решение на ходу. – Албан переложил несколько бумаг на столе. – Мидоус, я изучу ваш полный отчет сегодня же вечером. А сейчас вы свободны.

Когда старший агент встал, вскочила и я, устремляясь к двери, чтобы как можно быстрее убежать. Но голос Албана поймал меня:

– И еще одно, Руби, если ты не возражаешь. Хочу обсудить кое-что с тобой и Коулом.

«Отпустите меня, отпустите меня, отпустите меня...»

Роб явно пребывал в бешенстве, но у него не оставалось выбора. Дверь за ним хлопнула так, что загремели старые стеклянные бутылки из-под кока-колы, выстроившиеся на полке над притолокой.

– Теперь поговорим о другом... – Албан посмотрел на меня. – Я должен начать с того, что тебе доверяют здесь, дорогая, намного выше твоего уровня секретности. Если я услышу хоть слово об этом разговоре, выдохнутое за пределами этих стен, жди последствий. Здесь действуют те же самые правила, что и внизу.

«Нет, пожалуйста, только не это. Пожалуйста, пусть этого не будет».

– Да, сэр.

Удовлетворенный, Албан повернулся к Коулу:

– Все, что я говорил прежде, – правда. Мне жаль, что я должен сделать это до того, как ты полностью восстановишься. Но, как ты хорошо осведомлен, мы должны вернуть данные, которые у тебя отобрали.

– Осведомлен-то я хорошо, – согласился Коул, – но говорю вам: понятия не имею, у кого они сейчас. Перед тем как меня вырубili, я видел, что кто-то берет флешку, но честно, сэр, я почти не помню, что происходило после того, как меня оттащили в бункер. Не уверен, что ее забрал мой контакт.

Я смотрела, как он проводит перевязанной рукой по коротко стриженным светлым волосам, размышляя, видит ли Албан столь же ясно, как я, что Коул врет.

– И это понятно, учитывая обстоятельства, – кивнул Албан, откидываясь в кресле и водружая переплетенные пальцы на выпирающий живот. – Вот почему здесь Руби. Она неоценимо полезна... в извлечении воспоминаний. И помогла нам разыскать не один кусок заблудившихся сведений.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только не он». Я не хотела заглядывать в его разум: не хотела видеть вспышки лица Лиамы или картинок их жизни. Я просто хотела убраться отсюда до того, как моя грудная клетка сожмется и раздавит сердце.

Коул побледнел под загаром – от складки между бровями до пальцев, сжимающих подлокотники пластикового кресла.

– Ой, да ладно, – рассмеялся Албан. – Мне говорили – это не больно, но, если больно, мы тут же ее остановим.

В этом я не сомневалась. Даже если я выйду из-под контроля и не отпущу разум Коула, все советники и старшие агенты носят портативные генераторы белого шума.

– Ты первым добровольно бросаешься на самое опасное задание и внедряешься в ряды СПП, но не готов позволить девочке быстренько заглянуть в свои воспоминания на благо своей семьи – на благо своей страны? – поддел парня Албан, все так же расплываясь в улыбке.

«Хитро», – подумала я. После слов о «благах всей страны» обычно следует прямой приказ, а Коул был достаточно умен, чтобы сообразить, насколько лучше согласиться по собственной «свободной воле».

– Ладно, – наконец произнес Коул, поворачиваясь ко мне. – Что я должен сделать?

Через несколько долгих секунд голос все же вернулся ко мне, но я была горда тем, как твердо он прозвучал:

– Дай мне руку.

– Будь со мной понежней, милая, – сказал Коул, и его пальцы слегка дернулись, касаясь моих. Албан открыто расхохотался, но Коул прерывисто вздохнул и закрыл глаза.

Его рука была ледяной и влажной. Я попыталась не обращать внимания, как настойчиво его пальцы сжимают мои. Мне всегда казалось, что моя ладонь тонет в ладони Лиама. Но эта была еще шире, ладони – грубее, в мозолях, натертых за несколько лет постоянным ношением оружия, схватками, тяжелыми тренировками. А еще я пыталась не обращать внимания на то, как нервно вздрагивают его пальцы.

Нет, ни о чем таком думать не хотелось. Я продолжала смотреть на левую руку парня, на пальцы, которые он сжимал и разжимал, пытаюсь справиться с болью.

– Попробуй расслабиться, – пробормотала я. – Можешь подсказать, что я ищу? Что это, какого размера, цвета – любые подробности.

Глаза Коула были по-прежнему закрыты:

– Флешка стандартного размера. Черный брусочек не длиннее моего большого пальца.

За последние шесть месяцев я сделала это уже столько раз, что больше не чувствовала ни малейшей боли, но все равно мне нужно было собраться с духом. Его ладонь слегка подергивалась – или, возможно, это была моя? Я стиснула его пальцы своими, пытаюсь успокоить нас обоих.

– Вернись в последние мгновения, когда она была у тебя. Попытайся воскресить их в памяти, если можешь.

Коул выдохнул двумя короткими рывками.

Я словно нырнула в спокойную гладь нагретой солнцем реки. Несмотря на усилия, требовавшиеся, чтобы прорваться сквозь его естественную защиту, в проплывающих мимо мазках красок и очертаниях каких-то предметов не было ничего холодного или неподвижного. Только двигались они слишком быстро. Я увидела зеленое яблоко, одинокие качели, маленького плюшевого мишку, пылающего в пожухлой траве, дверь с наcariaбанной карандашом табличкой «Не входить!» – словно Коул пытался думать обо всем на свете, кроме того, о чем я попросила.

Он практически обмяк в своем кресле, его голова медленно клонилась к моему плечу. Кажется, я почувствовала, как парень тряхнул ею, и светлые волосы коснулись моей шеи.

– Покажи мне, когда ты потерял карту памяти, – тихо попросила я. – Черную флешку.

Воспоминания проплывали так быстро, словно я выхватывала их из воды. Маленький мальчик в комбинезоне, не старше двух-трех лет, сидел в центре огромного темно-синего ковра и оглушительно ревел.

– Флешка, – снова повторила я. Сцена размазалась и смылась, замещаясь ночным небом и треском костра, отбрасывающего теплый свет на соседнюю палатку и движущиеся внутри силуэты.

– *Филадельфия!* – прозвучал голос Албана за моей спиной. – Филадельфия, Коул. Лаборатория!

Коул, должно быть, услышал слова мужчины – я почувствовала, как он вздрогнул. Я нажала сильнее, погружая руки в поток, внезапно забеспокоившись, что со мной будет, если я не смогу добиться результата, на который рассчитывал Албан. «Флешка, – подумала я. – Филадельфия».

Воспоминание затрепетало, черное и тихое, словно капля чернил, повисшая на кончике пера. И, вздрогнув в последний раз, наконец, спокойно заструилось. Место действия переменилось, швырнув меня в дождливую ночь. Кирпичную стену слева от меня прорезала вспышка света, потом еще одна – это были автомобильные фары. Я не слышала визга тормозов или рева акселератора, но я была Коулом, видела все так, как видел он тогда – на бегу.

Грязная вода и плывущий в ней мусор клубились вокруг моих лодыжек; я прижала одну руку к стене, ощупывая путь. Бетон вспыхнул, как будто что-то острое чиркнуло по нему, затем снова и снова, пока я внезапно не поняла, что происходит: в меня стреляли, и с каждым разом пули ложились все ближе и ближе.

Я подпрыгнула, ловя черную ступеньку пожарной лестницы, и потянула ее вниз. Руки казались такими жесткими и холодными, что пальцы с трудом сжимались на прутьях, пока я карабкалась вверх. И пока я не перекатилась на шероховатую крышу, подметая волосами сор и трухлявую штукатурку, стрельба не прекращалась. Затем я вскочила и сорвалась с места, перепрыгивая на следующую крышу. На мгновение, пока я парила над нею, я увидела землю. Мигающие красные и синие огни полицейской машины следовали за мной внизу, словно тень, ее издевательское подобие. Порыв ветра над головой проник мне под рубашку, взметнув ее полы.

Я спрыгнула с соседнего здания, пересиливая тошноту от помоечной вони. Нога стукнулась о резиновую крышку контейнера, от силы удара колени мои подогнулись, и я рухнула вниз головой на землю.

Секунда, вторая, но приступ острой боли не давал даже пошевелиться. И когда мне наконец удалось приподняться с земли, оперевшись о нее ладонями, переулочек наводнил чистый белый свет.

Как бежать быстро, если хромаешь, как убежать далеко, если за спиной тупик? Но я все равно боролась, ворвавшись в разбитую дверь слева от меня. Вслед мне неслись крики солдат и полиции о том, что мне все равно не скрыться. Я шагала медленно, но уверенно – знала, куда иду, и проверила, что дверь позади меня заперта.

Потребовалось две драгоценные секунды, чтобы глаза приспособились к темноте коридора. Я застыкала вверх по ступенькам к квартире 2А, светло-голубой двери, и толкнула ее плечом.

В квартире горел свет – кофе все еще дымился на столе, но внутри никого не было. Я проверила каждую комнату, под кроватью, в шкафах, прежде чем вернулась обратно в коридор и потянулась к висящей там черной куртке.

От тяжелых ботинок, топавших по узкой лестнице, казалось, сотрясилось все здание. Мои руки задрожали, хватая куртку, нащупывая внутреннюю прокладку, с недоверием снова и снова пробегая по нижнему шву.

Выбитая ударом дверь распахнулась за моей спиной, не оставляя возможности двигаться, сражаться, бежать. Меня швырнули на пол, заломили руки за голову и сковали. Я видела только ботинки, переступающие через меня, чтобы проверить другие комнаты, оружие, готовое выстрелить. Лишь когда проверяющие вернулись, меня потащили вниз. Мимо изумленных соседей, через потертую входную дверь, обратно под дождь, к черному фургону, готовому увезти меня.

Там были СППшники, национальные гвардейцы, полиция. Возможности выбраться больше не было. Не сопротивляясь больше, я дала поднять себя в кузов и пристегнуть наручниками. Там были и другие, но ни одного знакомого. Никто из них не был им.

Не знаю, почему я подняла взгляд – может, инстинктивно, а может, от отчаяния. Дверь в жизнь захлопнулась, и все же самым главным было перепуганное лицо Лиамы, успевшее мелькнуть на долю секунды под ближайшим мерцающим фонарем, прежде чем исчезнуть во тьме.

Глава четвертая

– Как вы могли?! – пронзительно визжала Кейт. – Она два дня не спала, а вы заставляете ее пройти через это!

Я уставилась на небольшую садовую статую скачущего мальчика, наполовину скрытую американским флагом, свисающим со стола Албана. Лежала я при этом на полу, на спине и совершенно не помнила, как там очутилась.

– Она вам не дрессированный щенок, чтобы по свистку выполнять для вас разные трюки! – Кейт умела кричать, даже не повышая голоса. – Руби еще ребенок. Пожалуйста, не прибегайте к ее услугам, как вы изящно выразились, не согласовав их со мной.

– Думаю, – бесцветным голосом ответил Албан, – на сегодня с меня достаточно ваших нотаций, агент Коннор. Этот *ребенок* достиг возраста, когда может принимать самостоятельные решения, и хотя она подчиняется вам, вы – подчиняетесь мне. И мне нет нужды – *никогда не было и не будет* – что-либо с вами «согласовывать» или обсуждать свои решения. А сейчас я прошу вас – очень вежливо – покинуть этот кабинет, пока вы не наговорили чего-нибудь, о чем потом пожалеете.

Я оторвала себя от пола и плюхнулась обратно в кресло. Кейт рванулась вперед, чтобы помочь мне, но я отмахнулась, потому что уже справилась сама. Похоже, она и сама провела на ногах не одни сутки: волосы спутались и свалились, лицо было пепельным – я никогда не видела ее такой. Женщина ворвалась сюда, будто смерч, пять минут назад и даже не остановилась перевести дыхание. Не знаю, кто предупредил ее – может, Роб, – но единственное, чего она добилась, это заставила меня чувствовать себя униженным пятилетним ребенком.

– Все в порядке, – пробормотала я, но, кажется, ее не убедила.

– Подожду снаружи, – предупредила Кейт.

– Тогда вам придется задержаться. У нас внизу гость, и я бы хотел познакомить его с Руби. Конечно. Я же совсем не устала и готова и дальше «развлекать» гостей?

– Да? – Взгляд Коула метался между нами троими. – А я приглашен на эту вечеринку?

Албан, наконец, поднялся и, обойдя стол спереди, остановился между мной и Коулом, осторожно опустившись на край столешницы. Впервые я оказалась достаточно близко, чтобы почувствовать: от него пахло той самой плесенью, от которой невозможно отмыться до конца.

– Увидимся на собрании старшего персонала, агент Коннор, – проговорил он и затем гораздо тише добавил: – Подготовьтесь. Агент Мидоус снова предлагает голосовать.

Руки Кейт дернулись вверх, словно она хотела отгородиться ими от услышанного. Но потом она отвернулась и в сопровождении Жабогубого отправилась к двери. И я видела, что гнев все еще пылает в ней.

Когда Кейт с силой хлопнула дверью, Албан даже не вздрогнул.

– Итак, ты нашла наше маленькое утраченное сокровище? – обратился он ко мне.

Вмешательство Кейт рассеяло окутавшую меня дымку ярости, но она мгновенно заклубилась в воздухе снова, и я сжала руки под столом, чтобы не вцепиться Коулу в горло.

В конечном счете разве это важно, что я пробралась в Лигу в обмен на свободу Лиам. Но его брат, видимо, изыскал способ втащить парня обратно, в самую гущу событий. Я не поняла того, что увидела, да и флешка, хотя Албан так на это надеялся, на глаза мне тоже не попала. Но абсолютно очевидным было одно: так или иначе, но Лиам в этом замешан.

– Смелей, не держи нас в напряжении, – поторопил меня Албан. – Мы должны защитить информатора как можно скорее.

«Или послать кого-нибудь убить его».

– Я тут подумал... – начал было Коул.

Единственное, что дал мне Термонд, было умение лгать с честным, непроницаемым лицом.

– Я их не узнала, – перебила я, – так что имен назвать не смогу. Может, если я опишу их, агент Стюарт сможет?

– Может, – прохрипел Коул. Потом, откашлявшись, добавил: – Хотя с кем я только в Филли² не работал...

Албан нетерпеливо махнул, не сводя с меня темных мутных глаз.

– Это была женщина, – объявила я. – Я видела ее стоящей возле фургона СПП. Она явно нервничала и все поглядывала по сторонам, пока не заметила что-то на тротуаре – тут-то, должно быть, она и нашла флешку. Сильно за сорок, немного грузновата. Длинные темные волосы, очки в зеленой оправе. Немного загнутый кончик носа.

А еще она – моя учительница начальных классов, миссис Розен.

Каждая новая деталь внешности сопровождалась кивком, а потом Албан повернулся к Коулу:

– Ну что? Вспоминаешь?

– Ага, – протянул парень, забарабанив пальцами по подлокотнику. – С этим можно работать. Я подготовлю для вас полный отчет.

Албан кивнул.

– Сегодня в восемь вечера он должен лежать у меня на столе.

– Да, сэр, – сказал Коул, с усилием поднимаясь на ноги. Я отвела глаза – боялась: стоит мне только взглянуть на него, как я себя выдам. Парень на секунду задержался у двери, но Жабогубый вывел его из кабинета.

Албан слез со стола и направился к унылым разношерстным картотечным шкафам, выстроившимся позади его стола. И, слегка подмигнув мне, вытащил из переднего кармана рубашки связку ключей. Я не верила своим глазам – каждый раз, приходя в его кабинет, я пялилась на этот уродливый хлам, ломая голову, что же там внутри. И вот теперь он открывает один из них?

Мужчина постучал пальцем по ближайшему ящичку.

– Советники считают устаревшим и отсталым то, что я так и не выбросил все это, хотя наше противостояние в цифровом пространстве достигло высочайшего уровня. Не так ли, Питерс?

Советник вымученно улыбнулся. Что бы они на самом деле ни думали, по мне, эта «устаревшая» привычка Албана имела смысл. Записи, файлы или что еще там Албан хранил, мог просмотреть только один человек: он сам. И никаких тебе «хакнуть» или «запустить троян». Албан настоял на установке сканера сетчатки глаза и цифрового замка на двери в его кабинет, – две самые дорогие технологии на весь штаб. Если кто-то хотел посмотреть эти файлы, он должен был получить разрешение или проявить крайнюю изобретательность.

Мужчина вытянул красную папку из помятого черного шкафа в дальнем правом углу, задвинул ящик бедром и повернулся ко мне:

– Я тут подумал, Руби: у меня еще не было возможности поблагодарить тебя за блестящую работу, что ты проделала, собирая информацию о лагерях. Я знаю, ты закончила отчет уже несколько месяцев назад, но у меня было всего несколько минут, чтобы его просмотреть. Ты вложила в него немало усилий и времени, и я восхищаюсь этим.

Не припомню, чтобы до этого он меня так удивлял. Несколько недель назад я уже отчаялась, что эта папка когда-либо привлечет его внимание, когда увидела, что ее маленький уголок выглядывает из-под кипы бумаг с меня ростом. Тогда я подумала, что это моя последняя надежда, и она рухнула.

---

² Шутливое название Филадельфии.

Зачем называть организацию Детской лигой, если собираешься только делать вид, что помогаешь детям? Этот вопрос возникал у меня каждый день: после занятий, после операций. Он гвоздем ворочался в моей голове, когда меня отсылали прочь, даже не удостоив еще одного взгляда. Этот вопрос мучил меня и мою совесть. Большинство агентов, особенно бывшие военные, о лагерях думали в последнюю очередь. Они ненавидели Грея, ненавидели всеобщую мобилизацию, ненавидели, как изменился порядок их службы, а Лига была единственной известной организацией, в которой действительно пытались предпринять хотя бы что-то, а не рассылать раз в несколько месяцев малопонятные сообщения с намеком на новую угрозу. Попытаться заставить сделать что-нибудь, чтобы помочь другим детям, было все равно что закричать в комнате, где все уже и так орут. Никто не хотел слушать, потому что у каждого были свои планы, свои приоритеты.

После первой же ночи в Штабе я поняла: если не хочешь в будущем стыдиться самой себя, нужно изо всех сил постараться и перенаправить возможности Лиги на вызволение детей, которых все еще удерживали в лагерях. Последние месяцы я планировала, зарисовывала и записывала все, что помнила о Термонде: система патрулирования СППшников, расписание их смен, обнаруженные нами «слепые» пятна двух камер...

Постепенно это переросло в привычку; каждый раз, когда выпадала минута отдыха, я словно оказывалась у костра в Ист-Ривер, слушая как Лиам страстно говорит о том, что мы должны стать теми, кто спасет и самих себя, и других, что ни одна организация никогда не пожертвует своими нуждами или идеями ради того, чтобы помочь нам. Конечно, он был прав – последние шесть месяцев не раз подтвердили его правоту.

Я верила ему. Верила в него. Но когда мы разделились, он отправился другой дорогой, и теперь я обязана была сама пройти этот путь.

– Спасибо, сэр.

– Я сделал копии, – сказал Албан. – Мы обсудим это позже, на собрании старшего персонала. Не могу ничего обещать, но после всей тяжелейшей работы, что ты сделала для нас за последние несколько месяцев, ты...

Я и предположить не могла, чем должно было закончиться это предложение, и теперь уже никогда не узнаю. Не потрудившись постучать, еще один советник, Лошадинозубый, просунул в дверь седую голову, открыл было рот, но, заметив меня, снова закрыл.

Жабогубый отлепился от стены, которую подпирал, и только спросил:

– Снегопад?

Лошадинозубый потряс головой:

– То, чего мы боялись.

– Черт, – выругался Албан. – Профессор жива?

– Да, но ее работа...

Три пары глаз внезапно обратились ко мне, и я поняла, что должна была убраться еще тридцать секунд назад.

– Буду в Атриуме, – пробормотала я, – если понадобится.

Албан махнул мне, отсылая прочь, но голос Жабогубого был слышен даже сквозь захлопнувшуюся дверь.

– Никогда не считал это хорошей идеей. Мы ее предупреждали!

Любопытство заставило меня задержаться возле двери в ожидании хотя бы полунамека, о чем вообще идет речь. Мужчина так и брызгал гневом, слова стремительным потоком лились с его безразмерных губ. Я силилась вспомнить, когда видела кого-то из них в таком возбуждении, и не могла – Джуд всегда шутил, что они наполовину роботы, запрограммированные выполнять работу, затрачивая как можно меньше душевных сил.

– Она предприняла меры предосторожности – еще не все потеряно, – спокойно проговорил Албан. – Так что утверждения, будто женщины, если ими движет любовь, слепы, – полная

ерунда. Пойдешь со мной – Джарвин вернется, и я должен ввести его в курс дела. Возможно, ему придется отправиться с группой в Джорджию – разобраться с этим бардаком...

Едва услышав шаги по ту сторону двери, я поняла, что и так уже получила больше информации, чем нужно. Дождавшись, когда со мной поравняется компания детей, направлявшаяся в Атриум, я влилась в эту толпу.

Оглянувшись, я увидела Албана возле двери своего кабинета, окруженного советниками, которые что-то шептали ему в уши. Никто ничего не заметил, но мне казалось, что пока я шла, глаза Албана были прикованы ко мне, словно он не мог выпустить меня из вида.

Прошло несколько часов, но я все еще сидела в Атриуме, по-прежнему ожидая, когда Албан выкроит время запустить меня в чей-то мозг. Только что нарисовался Нико и притащил мне бутерброды. Впрочем, сегодня ни один из нас двоих даже не вспомнил об ужине.

«Снегопад». Лига стремилась присвоить кодовое имя каждому агенту и каждой операции. К настоящему времени я знала список агентов достаточно хорошо, чтобы сказать, что в Лос-Анджелесе «Профессора» у нас не было. Но «Снегопад»... Мозг медленно и методично прокручивал это слово и так и сяк, будто иностранное. Я имела доступ к названиям секретных миссий и проектов Лиги намного выше своего уровня секретности в силу грязной работы, которую выполняла для них внизу, но такого не припоминала.

– Эй! – окликнула я Нико, уставившегося в экран ноутбука. – Если бы я сказала тебе название операции, ты бы смог поискать ее на серверах?

– На засекреченных серверах? – уточнил он. Что-то менее трудное считалось пустой тратой времени и талантов Зеленых. – Конечно. Что за операция?

– «Снегопад». Думаю, что кличка агента, который ее возглавляет, Профессор – похоже, это женщина, которая, возможно, работала в районе штаба в Джорджии.

Нико выглядел так, будто я взяла свой пластиковый поднос и врезала ему по лицу.

– Что? – спросила я. – Ты о нем слышал?

Едва я подсела к Нико, агенты, сидевшие поблизости, встали и ушли, так что вся секция оказалась свободной. Я пристально уставилась на шумный стол Синих, они тоже удалились. Так что теперь в зале царила такая тишина, что я буквально слышала, как парнишка сглатывает, переводя взгляд с клавиатуры на меня и обратно.

А еще в тишине громко раздалось шумное дыхание Джуда, который ворвался в дверь. Не обращая на него внимания, исчезнуть парня не заставишь – он будет возвращаться снова и снова даже после шести разных попыток бойкотирования.

– Эй, – начал было Нико, – что ты...

Я терпеливо изучала свой нетронутый бутерброд, подняв глаза только тогда, когда Джуд схватил нас за руки и стащил со стульев.

– За мной, – с трудом выговорил он. – *Сейчас*.

– Я занята, – проворчала я. – Пойди найди Вайду.

– Ты должна пойти... – Это был словно не его голос: жесткий, низкий. – Прямо. Сейчас.

– Да зачем? – упиралась я.

– Блейк Ховард вернулся с операции.

– И поэтому?..

Его пальцы обожгли мне кожу:

– Он вернулся в мешке для трупов.

К тому времени, как мы прибежали в главный холл, небольшая толпа любопытных, старшие агенты, Албан и его советники с перекошенными лицами, яростно перешептываясь, стекались в медицинский отсек, который находился уровнем ниже.

– Ты уверен? – спросила я Джуда, когда мы присоединились к толпе. – Ты точно видел?

Он подавил глубокий вдох. Всмотревшись в лицо мальчика, я заметила, что глаза его покраснели. Похоже, до того как прибежать за мной, он плакал.

Рука Джуда метнулась вверх, сжав маленький, почти плоский серебряный компас, который он носил на шее, на шнурке. Албан вручил его мальчику, выудив из своей личной коллекции безделушек, предрекая, что Джуд вырастет «великим исследователем» и «первоклассным путешественником». Парнишка никогда не снимал подарок, хотя из-за его способностей прибор не работал как должно. Прикосновение Джуда, как любого Желтого, всегда сопровождалось слабым электрическим зарядом, отчего магнит компаса «сходил с ума». Так что цветная стрелка всегда указывала не на север, а на самого Джуда.

– Я видел, как они вернулись, а потом Кейт прогнала меня. Но я слышал: Албан спрашивал агента Джарвина, как это могло случиться, а Роб ответил, мол, это был несчастный случай. – Джуд огляделся и посмотрел поверх моей головы, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. – Ру, я не думаю, что это несчастный случай.

Когда мы спустились на второй уровень, нас обогнал Нико и, не останавливаясь, устремился ниже, на третий.

– Эй! – окликнул его Джуд. – Нико...

– Пусть идет, – пробормотала я, почти жалея, что тоже не могу пойти за ним, избежав всего этого.

Медицинский отсек располагался прямо под Атриумом, занимая большое круглое помещение на втором уровне. Под ним, на третьем, находилась компьютерная лаборатория. Все пространство отсека было почти под завязку забито приборами, кроватями. На случай чрезвычайных ситуаций или тренировочных травм всегда дежурили несколько врачей и медсестер – все это обеспечивала Лига. Я тоже не раз оказывалась здесь, чтобы меня подлатали, каждый раз отмечая, что персонал, работая со мной, надевал особо толстые резиновые перчатки.

Теперь же в обычных прозрачных перчатках они вели Джарвина и других членов его команды на опознание. Когда Джуд потянулся к дверной ручке, пытаясь пройти внутрь, дыхание его стало тяжелым и рваным. Я оттащила парнишку к смотровому окошку, где уже толпилось несколько агентов, наблюдавших, как каталка с черным мешком маневрирует между кроватями и медицинскими тележками к ширме в задней части комнаты.

Мы с Джудом протиснулись к стеклу именно в тот момент, когда врачи расстегнули мешок и перенесли тело Блейка Ховарда на гладкий металлический стол. На правой ноге болтался белый кроссовок, с нашего места было видно, что его одежда вся пропитана кровью. А потом подошли Албан с Джарвином, Кейт и Робом, и ширму задвинули. Все, что нам осталось, это наблюдать за движущимися за ней тенями.

– О боже, о боже, о *боже*, – прошептал Джуд, вцепляясь в свою темно-рыжую шевелюру. – Это он, правда он.

Подросток покачнулся, и я быстро сжала его локоть. Я-то Блейка совсем не знала. О тех, кто не входил в мою команду, мне были известны только имена. А мое умение «располагать к себе» гарантировало, что на близкую дружбу рассчитывать не приходится. Но Джуд с Блейком были закадычными друзьями; они двое и Нико проводили большую часть свободного времени вместе: торчали в компьютерном зале или погружались в какую-нибудь игру. Я видела улыбку на лице Нико только в присутствии Блейка: зеленые глаза того светятся, и он отчаянно жестикулирует, рассказывая какую-нибудь историю, а Джуд просто рыдает от смеха.

– Мы должны найти... Думаю, мы должны найти Нико. Наверное, он пошел что-то проверить, – наконец выдал из себя Джуд.

Я проводила его до двери, потом в коридор, до лестницы. Нам пришлось протискиваться мимо агентов, бегущих по коридору удостовериться в правдивости слухов, облетевших, я уверена, уже весь Штаб.

– Я должен кое-что тебе рассказать, – прошептал мальчик, когда мы подошли к лестнице. – Ты должна увидеть, что... что это не был несчастный случай. Я думаю... думаю, это из-за меня.

– Это не имеет к тебе никакого отношения, – проговорила я как можно спокойнее, хотя внутри у меня все сжалось. – Несчастные случаи происходят все время. Единственный, кто виноват, так это Джарвин. Это он выбрал того, кто не прошел боевой подготовки.

Джуд не дал мне возможности сбежать. Он схватил меня за запястье и тащил за собой всю дорогу до третьего уровня. Я смотрела, как его острые плечи двигаются под затасканной футболкой с Брюсом Спрингстином, и в первый раз заметила, что ее воротник протерся до дыр. Подросток точно знал, где сейчас Нико.

Занятия в компьютерном классе закончились уже несколько часов назад, но я все равно удивилась, что там так пусто. Обычно в комнате всегда болталось несколько Зеленых, самозабвенно сочинявших компьютерные программы или вирусы на любой вкус. Впрочем, уже наступило время ужина. Но даже если бы не это, одно только выражение лица Нико способно было разогнать всю толпу.

– Нашел! – объявил он.

– И? – Губы Джуда дрогнули.

– Это не несчастный случай.

Нико постоянно мучили какие-то предчувствия, которыми мальчик предпочитал не делиться, что, я уверена, стоило ему огромных усилий. Но он никогда не заражал своими горькими, ядовитыми мыслями остальных. До сегодняшнего дня.

– Что ты нашел? – спросила я. – Эй, объясните, что происходит, сейчас же.

– Ты говорила, это ерунда, – проговорил Нико. – Списывала на случайность. А должна была нам поверить.

Его голос кислотой капал на мои уже оголенные нервы. Я не спускала глаз с экрана, когда парнишка запустил видеоролик. Всплывшая картинка плеера заполнила черно-белыми кадрами всю ширину экрана. Крошечные человечки металась по комнате, заполненной длинными рядами приборов. Серверная.

– Что мы смотрим? – уточнила я. – Пожалуйста, скажи мне, что ты не настолько глуп, чтобы скачать видеозапись камеры наблюдений той компании, куда вломилась команда Блейка и Джарвина.

– И не позволить Джарвину или одному из его дружков шанс дистанционно удалить улики? – не остался в долгу Нико.

Тридцатисекундного ролика оказалось достаточно. Я хотела сказать Нико, что он ужасно рисковал, даже загружая его – что компьютерная система той фирмы могла нас засечь. Но Нико никогда не забывал об осторожности.

Тридцать секунд. Но все случилось меньше, чем за пятнадцать.

Блейк зашел в серверную, одетый в обычную для операций черную форму, и сразу подошел к компьютеру. Внезапное появление охранника заставило меня подскочить: ночной патрульный – кто бы ни спланировал миссию, допустил небрежность, не проверив такую возможность. Блейк прыгнул за огромный «шкаф» сервера, чтобы его не увидели. Охранник, может, ничего бы и не заметил, не ворвись в комнату вооруженный Джарвин и еще один член опергруппы.

Я наклонилась к экрану, поражаясь четкости видеозаписи. Мы смотрели, как два агента спрятались за укрытие и как Джарвин четко перенаправил пистолет с охранника на незащищенную спину Блейка и выстрелил в ребенка.

Джуд отшатнулся, прикрывая лицо руками.

«Вот дерьмо, – подумала я. – дерьмо, дерьмо, дерьмо!»

Нико, разумеется, отсмотрел ролик еще до того, как мы пришли, но он снова нажал на воспроизведение и снова, и снова, пока я сама не закрыла «окно». Мальчик молчал, на лице застыло бесстрастное выражение. Веки парня были полузакрыты, и я чувствовала, как он ускользает куда-то в себя, туда, где мог побыть один.

– Это... я не могу... – Джуд запнулся, с каждым словом его голос взлетал выше и выше, ладонь стискивала компас. – Эти ребята... они плохие. Остальные заботятся о нас и как только об этом узнают, тех накажут. Они за нас заступятся. Это не Лига; это не... это не...

– Не рассказывай, – произнесла я, – об этом никому. Ты слышишь меня? Никому.

– Но, Ру. – Джуд выглядел испуганным. – Мы не можем просто спустить им это с рук! Мы должны сказать Кейт, Албану, или... или кому-нибудь! Они разберутся!

– Кейт ничего не сможет сделать, если ты уже будешь мертв – заметила я. – Я не шучу. Ни одного чертова слова. И никуда не ходи один – только со мной, Вайдой, Нико или Кейт. Пообещай. А если увидишь кого-то из *этих*, поворачивай назад и иди другой дорогой. Пообещай.

Джуд, вцепившись в компас, все еще качал головой. Я пыталась придумать, что бы еще сказать и успокоить мальчишку. Меня разрывало. Я хотела защитить их от правды о том, чем на самом деле являлась Лига, какая злобная жестокость требовалась от агента, чтобы операция прошла успешно. Но еще я ощущала крошечное удовлетворение от того, что я-то их раскусила уже давно. Это место не было безопасным. Может, когда-то Лига и была убежищем для таких детей, как мы – но теперь фундамент дал трещину, и один неверный шаг мог обрушить всю эту надстройку нам на голову.

Роб с Джарвином не были психами. Все их операции всегда шли по графику. Эта, я уверена, ничем не отличалась от остальных. Кейт и еще пара агентов, кажется, относились к нам, детям, с сочувствием, но на сколько бы их хватило? Если мы станем обузой, если превратимся и в их глазах в мусор, который нужно убрать, останутся ли они с нами?

Снова и снова я мысленно возвращалась к операции в бункере: к тому, как граната взорвалась прямо у нас под ногами и как Роб приказал, чтобы мы оставались именно там.

Но я могла это исправить – я это знала. Всего-то и нужно – подобраться к Робу и его друзьям поближе. К сожалению, это было самой тяжелой частью плана.

– Ни слова, – повторила я, поворачиваясь, чтобы уйти. – Я позабочусь об этом.

Действительно позабочусь. Я была Командиром. Все мысли, которыми я утешалась, о том, как сбегу – только узнаю, что Лиам в безопасности, улетучились, как утренний туман.

Джуд был жив, и Нико, и я тоже – и сейчас я должна была сосредоточить каждую каплю своей энергии на том, чтобы так оно и оставалось.

Глава пятая

Вместо того чтобы вернуться в Атриум, я поднялась на один уровень выше, направившись по дуге второго этажа к раздевалке – принять душ и переодеться. В Штабе было холодно и темно, как, впрочем, и всегда. Но каждый сантиметр моего тела пылал, покрытый испариной, словно у меня вот-вот начнется жар. Несколько минут под ледяной водой помогут мне прочистить голову. А я, воспользовавшись редкой тишиной, попытаюсь придумать, как ни на секунду не оставлять Джуда без присмотра.

Когда я вошла в помещение, лампы уже горели. На них стояли автоматические датчики движения, значит, кто-то недавно вошел или вышел. Я замерла, прижавшись спиной к двери, слушая мерное капанье крана где-то в дальнем конце. Душевая оказалась пустой, все желтые занавески отдернуты, не слышно ни скрипа кранов, ни привычного грохота бьющей воды.

Все, что я уловила, – лишь тихое, практически неслышимое за звуком капель мерное постукивание ботинок по цементу и шелест переворачиваемых страниц...

Я пошла по большой дуге вокруг шкафчиков, ступая как можно бесшумнее, и нырнула за угол – в другой длинный ряд, поблескивающий серебристым металлом.

Сидевший на скамейке с папкой в руках Коул даже не посмотрел на меня. Прежде чем он перевернул страницу, я успела заметить знакомую схему электрического забора Термонд.

– ...Каледония была такой же большой, как ты думаешь?

Каждая мышца спины напряглась, заставляя меня выпрямиться, хотя одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы захотеть провалиться сквозь землю. Руки мои сжались в кулаки, и я глубоко вздохнула.

– Нет, – ответила я, – Каледония была меньше. Под нее переделали старую начальную школу. Но некоторые детали совпадают.

Парень рассеянно кивнул.

– Термонд, детка, – проговорил он, ткнув в папку пальцем. – Пару лет назад я видел первые эскизы, но без деталей. Наши агенты, которые находились поблизости, не увидели и половины этой фигни – даже Коннор.

Я осталась стоять у шкафчиков, ожидая, пока он уйдет.

– Сегодня на собрании Албан раздал эти копии старшему персоналу, – объяснил Коул. – Кейт отпросилась с половины. Есть идеи почему?

Я промолчала. По правде говоря, у меня были кое-какие соображения. Кейт не один месяц пыталась помешать мне это сделать. Пришлось подсунуть папку Албану, когда ее не было рядом.

– А я-то думал, ты – телепат, – со слабым смешком заметил парень.

Когда Коул поднялся, я видела, как напряглись от боли его мышцы. Парень молча кивнул в сторону душа.

Мы вошли в одну из кабинок, и брат Лиама неожиданно задержал за нами дешевую пластиковую шторку. Колечки заскрежетали по металлической трубке, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности и прижаться спиной к цементной стене. Внутри было очень тесно. И когда Коул перегнулся через меня, чтобы включить душ на полную мощность, его лицо в синяках оказалось так близко от моего, что мне стало совсем не по себе.

– Что ты делаешь? – возмутилась я, пытаюсь протиснуться мимо него наружу. Однако парень схватил меня за плечо, удерживая рядом с собой под струей. Когда Коул наконец заговорил, мы успели промокнуть насквозь.

– Душ – единственное место в Штабе, где не ведется запись. Не хочу рисковать – камеры в комнатах могут увековечить наш маленький разговор.

– Мне совершенно нечего тебе сказать, – заявила я, вырываясь.

– А мне надо многое рассказать тебе. – Коул вытянул обе руки, чтобы меня остановить, и чуть не потерял равновесие.

Нетвердо стоящий на ногах, еще не полностью восстановивший силы, уставший – парень казался легкой целью. Я протаранила его плечом, но, должно быть, план побега был написан у меня на лице. Коул поймал мою руку и выкрутил ее – загудели мышцы, затрещали суставы. Его кожа была горячей, словно парень хотел заразить меня огнем, полыхающим в его крови.

«Он – один из них, он – один из них, он – один из них...»

– Успокойся! – рявкнул Коул, хорошенько меня встряхнув. – Возьми себя в руки! Не собираюсь я ничего тебе делать! Просто хочу поговорить о Лиаме!

Коул ослабил железную хватку, потом, подняв руки, отступил назад. Повернувшись к нему, я все еще тяжело дышала. Вода служила надежной границей, которую ни один из нас не решался пересечь. Пар, клубившийся вокруг промокших кроссовок, поднялся до коленей, и вот я уже проталкиваю в легкие горячий влажный воздух.

– О каком Лиаме? – придя в себя, поинтересовалась я.

Парень наградил меня раздраженным взглядом, и я поняла, что игры кончились.

– Ты втянул его обратно. – Мой голос прозвучал резко. – А я сделала все, чтобы удостоверить, что он в безопасности.

– В безопасности? – Коул мрачно рассмеялся. – Думаешь, отправить дурачка в «большой мир», где его обязательно поймают или убьют, милосердно? Ему повезло, что я по-прежнему за ним следил, иначе агент-ищейка у него на хвосте благополучно доставил бы его в лагерь.

Я ничего не смогла с собой поделать; мои кулаки снова сжались.

– Как тебе удалось заставить его помогать?

– Почему ты считаешь, что я его заставил, милая?

Я стиснула зубы:

– Не называй меня так.

Коул приподнял светлые брови:

– А вот и ответ на мой вопрос: почему ты соврала Албану. Потрудись объяснить, откуда ты вообще знаешь моего брата?

Теперь настала моя очередь удивляться:

– Кейт тебе не сказала?

– У меня имеются некоторые подозрения, но в твоём досье о нем даже не упоминается. – Коул склонил голову набок, точь-в-точь как Лиам. Второй и третий пальцы его руки забарабанили по ноге – возможно, нервный тик. – Албан, кажется, что-то подозревает, но другие – нет.

Парень тяжело оперся о стенку кабины. Он все еще страдал от боли, но был слишком гордым, чтобы показать свою слабость. Типичный Стюарт.

– Слушай, Лиам больше со мной не работает. Той ночью – которую ты посмотрела – я впервые увидел его с тех пор, как несколько лет назад он сбежал из Лиги. Мы договорились, как выйти на контакт, если уж совсем припрет, и Лиам этим воспользовался. Я думал, это вопрос жизни и смерти, иначе никогда бы не открыл ему, как меня найти.

– Потому что был на суперсекретной операции? Что, черт возьми, такого на той флешке? Никогда не видела Албана таким взвинченным.

Коул, не отрываясь, смотрел мне в лицо, и я наконец-то смогла выдержать его взгляд, очевидно потому, что сама пребывала в ярости.

– Рассказывай.

Парень протяжно вздохнул, потеряв макушку забинтованными пальцами. Пытаясь выбить информацию, ему сломали все пальцы на левой руке. Албан рассказал мне об этом с немалой долей удовольствия.

– Полагаю, твое прикрытие, в чем бы оно ни заключалось, в конечном итоге раскрыли, вот почему твою квартиру взяли штурмом?

Коул выглядел глубоко оскорбленным этим предположением.

– Вот и нет. Прикрытие было идеальным. Я бы мог остаться там навсегда, и никто бы ничего не заподозрил. Засветился я только потому, что ищейка, сидевший на хвосте Ли, видел, как тот зашел в мою квартиру, и стал уговаривать меня «помочь беглому пси-ребенку». Если бы брат не появился там, ничего бы вообще не случилось, – я был в *трех часах* от того, чтобы меня вытащили.

– Прекрасно, но ты все еще не сказал мне, что, черт возьми, делал в Филадельфии. Я хочу знать, что на той флешке и почему ты не смог ее найти. Ты же ее искал, верно?

– Ага, – наконец, признался парень. – Я искал флешку. Этот придурок ее забрал, даже не подозревая об этом.

– Что? – Я ничего не понимала.

– Я был под прикрытием в «Леда-корпорейш» – работал лаборантом над их пси-исследованиями, которые заказал Грей. Слышала об этой программе, верно? – Коул дождался моего кивка и только потом продолжил. – Моим первым заданием было просто следить, как идут дела. Албан хотел знать, какие тесты использовались и что накопили, кроме того, мне следовало доложить, если обнаружится возможность вытащить какого-нибудь ребенка из этого ада.

– И ты вытащил... – Я прозрела так внезапно, что сама удивилась. – Нико. Вот в какой программе его использовали.

Плечи Коула опустились.

– Он оказался единственным... достаточно сильным подопытным. Остальные просто... Рассказать об этом – все равно что побывать в фильме ужасов.

– Как ты его вытащил?

– Симулировал смерть в результате остановки сердца, – ответил он. – Лаборатория вызвала «службу утилизации», но Лига подсуежилась первой.

Мозг заработал на полную катушку, выдавая один ужасный сценарий за другим.

– Значит, инфа на этой флешке – украденное тобою исследование?

– Ага, что-то вроде того.

– Что-то вроде того? – недоверчиво переспросила я. – Ты даже не расскажешь мне, что на этой дурацкой штуке?

Коул так долго молчал, что я уже смирилась с его отказом.

– Подумай сама: что хочет знать каждый родитель умершего ребенка? Над чем столько лет бьются ученые?

Причину пси-болезни.

– Так ты... – Нет. Он не шутил. Это не может быть темой для шуток.

– Я не могу посвятить тебя в детали. У меня не было времени посмотреть исследование, пока оно скачивалось, но я слышал, о чем говорили в лаборатории в тот день, когда закончили эксперименты. Есть доказательства, что за всем этим стоит правительство. – Ладони Коула сжались. – Хотя то, что лабораторию прикрыли, а через день после того, как меня забрали СППшники, ее сотрудников заставили замолчать навсегда, для большинства уже и так достаточное доказательство.

– Ты рассказал Албану? – спросила я. Неудивительно, что тот находился в таком отчаянии.

– Только когда вернулся и придумал объяснение, почему прикрытие раскрыли. Я сказал ему, что все скачал, но это запустило беззвучную сигнализацию. Уверен, через тысячу лет моя гордость восстановится. – Коул вздохнул. – Боялся, если сразу расскажу ему, что раздобыл, местные агенты придумают, как это использовать, еще до моего возвращения.

Пальцы Коула забарабанили по бедрам.

– Я не мог раньше времени ввести его в курс дела – боялся, что новости дойдут до этого места еще до того, как доберусь сюда сам. Как бы далеко от Штаба я ни находился, я не мог не

видеть, что здесь многое меняется. Тех, кого я знал и кому доверял, перекинули на другие базы, а те, кто мне совсем не нравился, теперь от него не отлипают. Достаточно, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке, понимаешь?

Я кивнула.

– Я знал: если предложу Албану нечто стоящее, – продолжал Коул, – появится отличный шанс обыграть агентов, которые пытаются перекроить Лигу. Но если бы поползли слухи, они бы точно придумали, как использовать информацию в свою пользу. Эта инфа – растворитель, без которого не очистить этот дом от наросшей плесени, единственный способ убедить Албана держаться с нами, получить преимущество за столом переговоров, когда их план вдруг покажется единственно возможным из всех.

Обрывки споров Роба с Албаном снова зазвучали у меня в ушах. «Заявить о себе как следует. Дети. Лагерь».

– Если эти данные так важны, как тебе вообще удалось вынести флешку из «Леды»?

– Вшил чертову штуку в подкладку куртки. И прямо так вышел из здания. Я работал в службе безопасности, и мои приятели не считали нужным меня обыскивать. Я знал, что скачивание файлов не пройдет незамеченным, но позаимствовал сетевой идентификатор одной из сотрудниц, – признался Коул. – Ерундовая задача. Когда бы стало известно, что бедняжка здесь ни при чем, я был бы уже далеко. Но мой *драгоценный* младший братец увидел, как СППшники столпились у моей квартиры, пока я ходил купить нам еды, и слинял, по ошибке прихватив мою куртку вместо своей.

Если бы Коул не выглядел таким возмущенным, я бы, может, ему и не поверила. А сейчас мне одновременно хотелось и рассмеяться, и впечатать его посильнее в бетонную стену.

– Как ты умудрился так сглупить? – спросила я. – Как мог совершить такую тупую ошибку? Ты же подставил его...

– Самое главное: инфу еще можно вернуть.

– Самое главное... – От возмущения на какой-то момент я даже утратила способность выражаться связно. – Жизнь Лиамы – вот что самое главное, а не эта дурацкая флешка.

– Ну-ну, – Коул расплылся в хищной ухмылке. – А братишка, должно быть, неплохо целуется.

Вспышка ярости оказалась такой мощной, что я даже забыла отвесить ему пощечину.

– Иди к черту, – огрызнулась я, пытаюсь выйти из кабинки. Коул снова поймал меня и, посмеиваясь, толкнул обратно. Я дернула рукой: хочешь посмотреть, кто будет смеяться, когда я выжгу каждую мысль из твоего жалкого мозга?

Коул, должно быть, подумал о том же, потому как отпустил меня и отступил.

– Тебе хоть удалось связаться с ним после возвращения? – спросила я.

– Он исчез с радаров, – сообщил Коул, скрестив руки на широкой груди. Пальцы левой забарабанили по правой. – Смешно, но он даже не понимает, какой при нем ценный груз, а я не могу предугадать, ни куда он держит путь, ни что собирается делать. А это означает, что отследить мелкого придурка практически нереально. Можно только предположить, что он по-прежнему пытается найти мать с отчимом. Теория хаоса во всей красе.

– Почему ты мне все это говоришь?

– Потому что ты единственная, кто может с этим что-нибудь сделать. – Пар поднялся уже выше Коула, словно поглощая его. – Нет, послушай меня. Я засветился – Лига не выпустит меня из Штаба. Я не могу даже отправиться на операцию, не говоря уже о том, чтобы искать беглеца на Восточном побережье. Догадавшись, что нашего вымышленного информатора не существует, начнут прорабатывать другие варианты. И спросят себя: «Кто может связывать этих двух незнакомых друг с другом людей?», «Кого эта девчонка может так защищать?»

Я ошетибилась, скрестив на груди руки. Взгляд Коула сполз с моего лица, зацепившись за облепившую грудь футболку, и я передвинула руки выше. Он задумчиво хмыкнул, по лицу скользнула рассеянная улыбка.

– Должен признаться, ты не в его вкусе. С другой стороны, в моем...

– Знаешь, что я думаю? – поинтересовалась я, шагнув к нему.

– Не имею ни малейшего представления, милая, но что-то подсказывает, я вот-вот об этом узнаю.

– Ты гораздо сильнее волнуешься о Лиаме, чем об этой флешке. Ты хочешь, чтобы я нашла его и удостовериться, что он в порядке. Вот почему ты просишь о помощи меня, а не кого-то еще.

Коул усмехнулся. Его пропитанная паром рубашка прилипла к коже; не смотреть на очертание сильных плеч, когда он выпрямился, оказалось просто невозможно.

– Да, конечно. Утешайся, если хочешь, этой мыслью, только хоть на две чертовы секунды прекрати думать о мечтательных глазах моего брата и включи голову! Дело не в нем и не во мне – а в необходимости держать те данные под контролем, чтобы принести их Албану и выпереть отсюда Мидоуса и его приятелей. Ты понятия не имеешь, в какое дерьмо они хотят втянуть организацию – что они сделают с вами, детьми, если добьются своего. А они это делают, если мы не найдем способа их обставить.

«Думаете, мы можем продолжать, не заявив о себе как следует?» Слова Роба эхом отдались у меня в голове.

– Что они замышляют? Хотят что-то сделать с нами и с лагерями?

Краны между нами зафыркали, щелкнул таймер, ограничивающий потребление горячей воды: она все еще текла, но становилась все холоднее и холоднее. Но ни один из нас не двинулся с места.

– Его главная идея, – нервно начал Коул, – использовать предоставленную тобой информацию о лагерях и, как он выражается, «ненужных» детях: тех, что слишком мал, чтобы быть задействованными в операциях, из Зеленых.

– Для чего? – спросила я.

– В своем отчете ты написала, что детей, предварительно определенных как Зеленые, не изучают и не досматривают, верно? – Парень снова подождал, пока я кивну, прежде чем продолжить. – Это подтвердил еще один ребенок, которого мы вытащили из лагеря поменьше. Мидоус считает, что за прошедший год защиту лагерей порядком ослабили. На свободе осталось не так много детей, и поступления сократились до одного-двоих. Кроме того, силы СПП «размазаны» слишком тонким слоем по слишком большой площади лагерей.

– Это правда, – согласилась я.

Я заметила, что число солдат в Термонде с годами уменьшалось – когда лагерь достиг максимальной мощности и его закрыли для новых поступлений. Но снижение числа охранников компенсировалось увеличением убойной силы оружия и оперативной готовностью обрушивать на нас Белый шум, стоило только заподозрить кого-то из нас в малейшем намерении воспользоваться способностями.

– Он думает... – Коул кашлянул, обхватив горло здоровой рукой – Мидоус хочет обвязать детей взрывчаткой. Подсунуть их СПП, а потом, когда бедолаг повезут в лагерь, взорвать. По его мнению, это достаточно напугает и озлобит СППшников, чтобы они сбежали со своей принудительной службы.

Последние слова я уже почти не расслышала. В ушах зашумело, новая информация выжигала мой мозг, а чудом выжившие в этом пламени мысли бились в нем, словно в лихорадке.

– Надумала грохаться в обморок – сядь на попу, – распорядился Коул. – Я рассказал тебе это, потому что ты большая девочка и мне нужна твоя помощь. Знаю, ты не хотела, чтобы так

получилось, но теперь ты в этом завязла. По уши. И, как все остальные, должна попытаться хоть что-то исправить.

Я не стала садиться, но темные пятна перед глазами продолжали расти, поглощая его лицо.

– А другие агенты... они тоже этого хотят?

– Не все, – сказал парень, – но достаточно. Не будь Албана, они бы и спрашивать никого не стали. Читай между строк.

«О боже».

– Кейт знает об этом... но она все еще с ним? Почему она осталась с кем-то, кто способен даже подумать о подобных вещах?

– Коннор – умная женщина. Если она с ним, значит, есть причина, и, вероятно, не та, что ты думаешь. Мы оба видели, как Мидоус решает вопросы.

– Значит, тебе известно, как Джарвин «решил вопрос» с Блейком Ховардом? – поинтересовалась я. – Ребенком, которого он застрелил в спину на вчерашней операции?

– Ты знаешь точно? – спросил Коул. – Есть доказательства?

– Видеозапись камеры наблюдения, – кивнула я. – Скачанная раньше, чем ее могли бы успеть удалить удаленно.

– Придержи пока при себе. Когда вернешь инфу, мы отдадим Албану все сразу. Заколотим гвозди в гроб Мидоуса и других.

– Я пока ни на что не подписывалась.

– Детка, ты меня убиваешь, – он снова возвел глаза к небу. – Ты пойдешь и найдешь Лиаму. Вернешь данные. Насчет этого у меня никогда не возникало никаких сомнений. Потому что, конфетка, – сказал Коул, улыбнувшись, когда я закатила глаза, услышав свое новое прозвище, – я знаю, ты не хочешь, чтобы Албан обнаружил, как все было на самом деле и что в этом замешан Лиам. А еще ты не хочешь дать ему повод поддержать план Мидоуса. А я прослежу, чтобы Албан переключился на освобождение лагерей *правильным* способом, который ты предложила в своем отчете. Это ведь то, чего ты все это время добивалась, верно? Потому и собрала для него целый пакет информации. Не для того же, чтобы позволить Мидоусу использовать твои же наработки против тебя.

«Ты можешь найти его. – Желание ломало сопротивление более взвешенной, более спокойной, рациональной части мозга. – Снова его увидеть. Убедиться, что на этот раз он добрался до дома. И можешь помочь всем этим детям. Всем им».

– Если я на это соглашусь, – начала я, – ты должен гарантировать, что, когда я вернусь после этой маленькой авантюры, меня не накажут. Поклянись, потому что, если ты соскочишь, я вытащу все мысли у тебя из головы, и ты превратишься в слюнявую лужу соплей. Все понял?

– Умничка, – похвалил меня Коул. – Ты моя конфетка. Посмотрим, смогу ли я отправить тебя на следующую операцию на восток. Тебе предстоит проявить фантазию, как избавиться от наставника, которого с тобой отправят, но, думаю, ты готова принять вызов. Адрес: дом 1222 по Вест-Баскет-роуд, Уилмингтон, Северная Каролина. Запомнишь? Начнешь там. Ли – человек привычки, он попытается добраться до дома, чтобы проверить, не оставил ли отчим подсказку, куда они с матерью направились.

Я глубоко вздохнула. Во мне бушевало все: сердце, мысли, эмоции, но я не выдала себя ни одним движением.

– Ты сможешь, – тихо проговорил Коул. – Я знаю, что сможешь. А я буду тебя всю дорогу прикрывать.

– Мне твоя защита не нужна, – отмахнулась я, – но она нужна Джуду.

– Этой Каланче? Конечно. Я за ним присмотрю.

– И Вайде с Нико.

– Твое желание для меня – закон. – Коул слегка поклонился, отодвигая занавеску. Я закрыла глаза, стараясь выкинуть из головы знакомую улыбку и вызванное ею чувство, словно в груди сейчас разорвется бомба. – Приятно иметь с тобой дело.

– Эй! – внезапно вспомнила я. Кому же еще об этом знать, как ни агенту под прикрытием. – Ты что-нибудь слышал об операции «Снегопад»? И об агенте Профессоре?

– Кажется, я слышал о «Снегопаде», но только то, что это где-то в Джорджии. А что? Поискать о нем что-то для тебя?

Я пожала плечами:

– Если будет время.

– Все мое время принадлежит тебе, конфетка. Ты уж мне поверь.

Дверь раздевалки захлопнулась, а я все еще стояла там, пока последние струи воды сливались у моих ног.

Прошли две долгие мучительные недели, когда наконец я обнаружила в моем шкафчике красную папку. Я чувствовала, как тянется каждый день, наполненный тщательно распланированной рутинной тренировкой, еда, тренировка, еда, сон. Я старалась не высовываться, но продолжала прокручивать в голове тот разговор. Я даже избегала открыто смотреть кому-то в глаза – вдруг заметят, что меня что-то мучает, или, наоборот, что я над чем-то сосредоточенно думаю. Я чуть не вскрикнула, обрадовавшись и запаниковав одновременно, когда поверх стопки книг увидела папку с описанием операции.

Раздевалка вокруг меня гудела, все еще обсуждая произошедшее, голоса сливались в один гул. Кто-то настолько осмелел – или продемонстрировал невероятную тупость, и сегодня прямо на уроке спросил инструктора Джонсона, что сделали с телом Блейка и намечается ли панихида. Нико позеленел, но Джонсон лишь отмахнулся.

Лидер второй команды, Синяя Эрика громко заявила, что останки Блейка по-прежнему изучают в медицинском отсеке, но другая, Зеленая, ее звали Джиллиан, возражала, что, дескать, видела, как мешок с телом вынесли через туннель еще несколько дней назад.

– Очевидно, его уже похоронили, – предположила она.

Я стояла возле своего шкафчика, под прикрытием двери изучая содержимое папки, и слышала, как Вайда где-то рядом громко смеялась над рассуждениями другого Синего. Вытянув шею, я постаралась заглянуть в ее шкафчик. Отлично. В нем была только куча грязных футболок и больше ничего. Она останется здесь. Надо предупредить Джуда и Нико, чтобы они держались к ней поближе – никто не посмеет подойти к ним при Вайде, даже Джарвин. У этой «пчелки» слишком острое жало.

Я снова открыла папку и пробежалась глазами по строчкам.

«Только бы это было Восточное побережье, – думала я, – Пожалуйста, Восточное побережье». Добраться до Северной Каролины гораздо легче из Коннектикута, чем из Техаса или из Северной Калифорнии.

Код операции: 349022-А

Время отправки: 15 декабря 13.00

Дислокация: Бостон, Массачусетс

Массачусетс. Это еще куда ни шло. Там пока работает часть железных дорог.

Цель: Задержать доктора П.Т. Фишборна, директора Административного отдела генетики сложных заболеваний Гарвардской школы общественного здравоохранения, вывести из строя лабораторию.

Мой желудок сжался. «Задержать» – означало то, что я должна допросить его там, в Бостоне, на конспиративной квартире Лиги, а если цель окажется несговорчивой, доставить

на ближайшую базу. Моя работа. «Вывести из строя» – означало сжечь, разрушить, снести. Работа опергруппы.

Опергруппа: команда «Бета»

Пси: Мандарин, Лучик

Наставник: БНП³

– Ох, – прошептала я, чувствуя разочарование. – Черт.

Я сунула папку обратно в шкафчик, захлопнула дверцу, скрутила мокрые волосы в пучок и быстро ушла, пока никто не заметил, что я вообще приходила. Три часа дня – если Кейт не на встрече, значит, скорее всего, у себя или в Атриуме.

С волос на щеку шлепнулась капля воды, и я сердито ее смахнула, пробираясь через свисающие полоски пластика, которые должны были, в теории, удерживать то условное тепло, что аккумулировалось здесь под землей. Уткнувшись взглядом в низкие потолки, чтобы не встречаться глазами с очередной группкой агентов, я отступила в сторону, пропуская их.

И тут волосы у меня на затылке встали дыбом – в ногу с моими собственными шагами, эхо которых разносилось по коридору, раздавались чужие шаги.

За мной кто-то шел. С той минуты, как я вышла из раздевалки.

Тяжелые шаги, хриплые глубокие вдохи – это был мужчина. Проходя под одной из стальных балок, я быстро взглянула вверх, однако тот, кто следил за мной, шел точно выверенным темпом. Я не увидела его отражения, но угадывала его присутствие у себя за спиной. Ощущала каждую каплю его отвращения, прорезавшего влажный холод коридора и вгрызавшегося в мой позвоночник.

«Не смотри, – говорила я себе, стискивая челюсти, – просто иди дальше. Ничего там нет; всего лишь игры разума, как обычно. Ничего. Никого».

Но я чувствовала, что он висит у меня на хвосте, словно его пальцы пытались стереть мурашки, бегущие по моей коже. Внезапно разогнавшееся сердцебиение уже вышло из-под контроля. Я знала, на что способна, я умела сражаться, но перед глазами стоял ботинок, свисающий с бледных, окоченевших кончиков пальцев Блейка Ховарда.

Впереди замаячили двойные двери, к которым я шла, и, чуть ли не задыхаясь, я наконец ворвалась в Атриум.

Совещание завершилось, и круглые столы и складные стулья снова расставляли на свои места, возвращая пространство к его обычному предназначению комнаты отдыха. Агенты в фирменных толстовках и спортивных штанах Лиги резались в карты, смотрели новости или играли в шахматы.

Кейт вошла через противоположные двери. Было странно видеть ее в строгом темно-синем костюме с юбкой. Светлые волосы были скручены в тугой пучок. Рассеянно врезавшись в агента, который сидел за соседним столом, она пробормотала невнятное извинение. Я не понимала, что она кого-то ищет, пока ее взгляд не выхватил мое лицо.

– Вот ты где, – обрадовалась Кейт и заторопилась мне навстречу так быстро, насколько позволяли каблуки. Я открыла было рот, но Кейт предупреждающе подняла руку. – Знаю. Извини. Я сделала все возможное, чтобы Албан изменил свое решение, но он настоял.

– Ему еще нет шестнадцати! – воскликнула я. – Он не готов – ты же знаешь, мы все это знаем! Ты пытаешься сделать его следующим Блейком Ховардом?

Кейт отшатнулась, словно от удара, и полный ужаса взгляд так не вязался с обычной маской спокойствия, которая никогда не покидала ее лица.

---

³ Аббревиатура: Будет Назначен Позже.

– Я боролась за него, Руби. Предложила, чтобы с тобой пошла Вайда, но кто-то убедил Албана, что Джуда уже пора задействовать. А Желтый нужен, чтобы взломать систему безопасности. Албан сказал, что не имеет смысла отправлять на простую операцию две команды.

Мы уже начали привлекать внимание, поэтому Кейт, схватив меня за руку, подтащила к ближайшему свободному столу и заставила сесть.

– Надо было лучше стараться, – упрекнула ее я.

Наш маленький Лучик не слишком хорошо справлялся с ситуациями, когда требовалась особая концентрация, и вместо порученного дела охотно отвлекался на всякие любопытные блестяшки. Его владение огнестрельным оружием ограничивалось знанием, что конец ствола с дыркой не должен упираться в собственное лицо.

– Через пару недель ему будет пятнадцать. – Кейт не отпускала моей руки. – Я уверена... уверена, все будет прекрасно. Эта элементарная, несложная операция позволит ему сделать первый шаг.

– Я справлюсь одна. Если нужно вывести из строя какое-то оборудование, я могу...

– У меня связаны руки, Руби. Я не могу идти против Албана, иначе он будет видеть во мне проблему. И... – Кейт глубоко вздохнула, проведя рукой по волосам, а потом – по юбке. Когда она снова заговорила, ее голос прозвучал уже более уверенно, однако женщина старательно отводила глаза. – Единственное, что меня утешает: Джуд будет с тобой, и ты за ним присмотришь. Обещаешь?

Щеки под высокими скулами казались впавшими, словно женщина недавно оправилась после долгой болезни. Я наклонилась к ней, только сейчас подмечая, что вокруг ее глаз, обведенных пугающе темными кругами, наметились новые тонкие морщинки. И в них забился макияж. Кейт было всего двадцать восемь, а она выглядела старше, чем моя мама, когда нас разлучили.

Иногда казалось, что в такие мгновения передо мной открывалась настоящая Кейт. Я не назвала бы наши отношения «хорошими», потому что они строились на лжи, и довольно жестокой. Женщина могла говорить одно, при этом имея в виду совершенно другое. Но сейчас, сдавшись тишине, ее лицо само рассказало мне все. Я видела борьбу в ее чертах и понимала: что бы Кейт сейчас ни сказала, ее слова обращены к агентам вокруг нас, а не ко мне.

– Я отправляюсь на север, – ровным тоном сообщила она, – на задание.

«Север» означал улицы Лос-Анджелеса. Скорее всего, ей предстояло проверить что-то с Федеральной коалицией. Теперь Кейт стала старшим агентом, заслужив свои крылья. Если ее отправляли туда, значит, предстояло сделать что-то очень важное для Албана.

– Выходит, тебя с нами не будет? – уточнила я.

Кейт глянула мне за спину и кому-то махнула. Я почувствовала, как что-то холодное потекло мне за шиворот, хотя волосы уже почти высохли.

– А, ты здесь, – проговорила Кейт. – А я как раз собиралась обрадовать Руби, что на операции она будет в надежных руках. Ты ведь хорошенько присмотришь за моей девочкой, правда?

С первого дня, как мы познакомилась, Роб никогда не касался меня, лучше других зная, во что это может вылиться. Но я все равно следила за его руками, пальцы которых были покрыты темными волосами. Мое горло сжалось.

– Я вроде всегда за ней приглядываю, нет? – слабо хохотнув, поинтересовался Роб.

Кейт встала, ее бледное как мел лицо засияло в искусственном свете.

– Поки, кроки!

Уходя, она всегда прощалась с нами этой глупой детской считалочкой, и мы всегда отвечали в рифму: Джуд придумал прощание, обыграв позывной Кейт. И сейчас я едва выдавила в ответ:

– После двух, подсолнух.

Когда и Роб, и Кейт ушли, в противоположном конце Атриума я увидела Коула – он сидел за столом, и перед ним лежала открытая книга. По мрачному выражению его лица было совершенно ясно, что парень слышал весь разговор.

«Ты сказал, что за ним приглядишь».

Неужели во всей Лиге нет ни единого человека, которому я могла бы доверять?

Коул покачал головой, поворачивая руки на столе ладонями вверх. Бессильное извинение, но он хотя бы понял: перемещение одной фигуры на доске меняло всю игру.

Глава шестая

Нас с Джудом отправили в Бостон на рассвете. Мы устроились на откидных сиденьях пузатого грузового самолета. Модель была еще древнее, чем та, на которой мы летели из Филадельфии, и по запаху Джуд предположил, что в ней раньше перевозили мясо.

Я смотрела на огромные ящики перед нами, пытаюсь не обращать внимания на то, как они поскрипывают, когда натягиваются удерживающие их стропы. Каждый ящик были маркирован логотипом с элегантным золотым лебедем «Леды-корпорейш» – словно Вселенная подмигивала нам с жутковатой ухмылочкой. Конечно, в этом ничего такого не было, и дурным предзнаменованием это тоже считать было глупо. Мы все время летали на «ледовских» самолетах. Корпорация, как тот теленок, партнерствовала и с Греем, и с Федеральной коалицией, получая особые «привилегии», позволявшие перевозить свои грузы в Калифорнию и обратно. Упертому Грею, который не шел ни на какие соглашения, пришла в голову «блестящая» идея попытаться заморить Федеральную коалицию в Калифорнии голодом, запретив ввоз и вывоз товаров из штата. Однако пострадали как раз все остальные, потому как в Калифорнии производилась большая часть фруктов и овощей, а еще имелся легкий доступ к нефти, которую добывали на Аляске.

Однако Федеральная коалиция была нашим партнером. Мы летали в обмен на то, что, по сути, являлись их тайным оружием. Албан считал это «справедливой платой» за сведения, которые мы собрали, и за бесчисленные операции, которые не один год проводили от их имени, хотя я знала, что он хотел большего. В частности: уважения, денег и места в новом правительстве, когда Грей отойдет от дел.

По ту сторону завернутых в пластиковую упаковку ящиков сидела команда «Бета». Они продолжали хохотать над какой-то шуткой, которую заглушило непрекращающееся рычание двигателей.

Я прижала к щекам заледеневшие ладони, пытаюсь унять их дрожь. Крохи тепла, что еще сохранялись в грузовом отсеке, должно быть, поднялись к потолку и совсем не ощущались. Сгорбившись, я завернулась в черную дутую куртку, насколько позволяли ремни безопасности.

– Глубокий вдох, – монотонно бубнил Джуд, – глубокий выдох. Глубокий вдох, глубокий выдох. Ты не в самолете; ты плывешь по небу. Глубокий вдох...

– Думаю, чтобы это сработало, надо действительно глубоко дышать, – предположила я.

Самолет нырнул в воздушную и сразу подпрыгнул.

– Это... – голос Джуда надломился. – Это нормально?

– Просто небольшая турбулентность, – объяснила я, пытаюсь освободить руку из его тисков. – Так бывает во время каждого полета.

Джуд водрузил на голову шлем члена опергруппы и на глаза – защитные очки. У меня не хватило духу объяснить, что, если самолет начнет падать, последствия окажутся гораздо трагичнее, чем шишка на голове.

Господи. Он же боится летать! И пока не справляется с этим страхом.

Это было ошибкой – надо было сильнее бороться, спорить, стучать по столу, но отмазать Джуда от этой операции. Там, в Штабе, когда я думала о том, что все это время, пока я буду разыскивать Лиаму, Джуда придется тащить за собой, эта мысль выводила меня из себя, раздражала. Но я понимала, что так уж случилось, и мне придется это принять. Но теперь... теперь я просто боялась. Нам придется прятаться от Роба и от «Беты», и как с этим справится Джуд, если он и пяти минут не может посидеть спокойно? Если от разыгравшегося воображения мгновенно улетучивалась вся его смелость?

«Возможно, я смогу найти способ оставить его с Бартоном», – размышляла я, потирая лоб. Вот только... откуда мне знать, не был ли Бартон на стороне Роба в споре о способах

нападения на лагерь? Откуда мне знать, что кто-нибудь из его товарищей по команде не пустит мальчишке пулю в голову?

– Все будет отлично. Все будет круто. – Папка с деталями операции, которую выдали Джуду, была заляпана пятнами того, чем он поужинал накануне вечером. Вид у парня был раскисший.

Мне хотелось кричать. *Кричать*. Лишний рот, лишняя спина, которую придется прикрывать. Джуд был воплощением всего, что могло мне помешать. Но что я могу с этим сделать? Отправить его обратно в эту дыру, надеясь, что он доживет до моего возвращения, а Коул сумеет привести в действие свой план?

Нет. Джуд был лишним грузом, который мне предстоит нести на себе всю дорогу, благо я стала сильнее. Я сделаю это. Найду Лиам и буду защищать их обоих – потому что другого варианта все равно не было. И я была готова его принять.

– Бартлет. Как ты думаешь, чем он занимается? – спросил Джуд. Страницы летали под его пальцами. – Здесь еще много тех, кого я знаю. Фрэнсис милая – как-то угостила меня шоколадным батончиком. Лебровски, Голд и Филлиен мне тоже нравятся. Крутые парни. Научили меня раскладывать пасьянс. И командир мне тоже нравится. Я рад, что выдвинули Бартона. Но кто, черт возьми, этот Бартлет?

– Не знаю и знать не хочу, – заявила я, фокусируясь на стоящих перед нами ящиках с лекарствами. Вообще-то я знала, кто такой Бартлет, – новичок, которого перевели к нам из Штаба в Джорджии. В раздевалке я подслушала каких-то Зеленых девочек, обсуждавших, каким он был «прекрасным экземпляром». Заметив меня, они разбежались, прежде чем я смогла узнать хоть что-нибудь полезное.

Теперь Джуд что-то мурлыкал себе под нос, отстукивая одной ногой безумный ритм по лежащим на полу матам. Компас, висевший у него на шее, выбился из-под рубашки и раскачивался в такт. Похоже, все пять часов, что мы проведем в воздухе, мальчишка не успокоится.

– Бартлет учился в Вест-Пойнте – как думаешь, значит ли это, что он хорош в деле?

– В твоей папке есть все личные дела, почему ты спрашиваешь меня?

– Потому что люди – это не только документы или файлы. То, что Бартлет специализируется в ножевом бою, мне неинтересно. Хочу сказать... не пойми, блин, меня превратно, но я бы предпочел знать, почему он присоединился к Лиге и что думает об этом решении сейчас. Что любит есть...

Я повернулась к нему, наполовину удивленная, наполовину встревоженная его словами.

– Ты считаешь, его любимая еда важнее того, какой он выберет способ убить тебя в бою?

– Ну да, это что-то вроде...

Я сама не понимала, что заставило меня так разозлиться, но остановиться уже не могла.

– Хочешь больше узнать о команде «Бета»? – Я слышала, как мое сердце бьется где-то в ушах. – На ближайшие двенадцать часов эти шестеро – единственные, кто не станет пытаться тебя убить. Но и защищать не будут, тем более если это помешает операции. Поэтому слушай приказы командира и, блин, не высовывайся. *Это* все, что ты должен знать.

– Господи, – моргнув, пробормотал Джуд. – Не каждый же взрослый мечтает о нашей смерти.

Я прикусила язык. «Думаешь, худшее, что могут с тобой сделать, это убить?»

– Мне просто хочется больше знать о людях, – объяснил он. – Что тут такого?

– Ну извини, – буркнула я. – Мало кто из них захочет что-то узнать о тебе.

– Нет, я хочу сказать... – Мальчишка замахал руками, словно так ему было легче донести до меня важную истину. – Просто в наше время люди сразу спешат разобрать тебя на примитивные, понятные схемы и встроить в какую-то систему, понимаешь? А я думаю: никто и никогда не узнает другого человека, пока по-настоящему не обратит на него внимания.

Он замолчал, вытянув длинную шею, чтобы осмотреться, но наш Наставник в этой операции был занят – играл с Фрэнсис в карты.

– Посмотри, к примеру, на Роба. Его личное дело идеально: учился в Гарварде, был армейским рейнджером, даже немного поработал агентом ФБР. Рост – сто восемьдесят сантиметров, вес – девяносто два килограмма. Он отлично обращается с огнестрельным оружием и неплохо говорит по-испански. Но зная это, мы никогда не догадаемся, что он... – Джуд затих. – Я хочу не просто видеть чье-то лицо; я хочу знать, какова его тень.

Похоже, что Блейк стал для Джуда первой утратой. Конечно, парнишка знал о том, что не все агенты возвращались с заданий, погибая то от выстрела, то от взрыва. Когда ты навсегда разлучаешься с тем, кого знал как самого себя, постепенно приспосабливаешься к этой особой боли и уже не пытаешься с кем-то снова сблизиться.

– Да? – переспросила я. – А мою тень ты видел?

Джуд посмотрел вниз, туда, где пятки его комично больших ботинок подпрыгивали на мате.

– Нет, – сказал он так тихо, что его голос почти потерялся в нескольких километрах прозрачного синего воздуха под нами. – Иногда мне кажется, я и лица-то твоего не видел.

Я никак не отреагировала на это признание. Мои руки застыли, но только из-за холода, а не из-за толщи льда, что намерз между нами за эти несколько секунд. Челюсти сжались, только чтобы не стучали зубы, а не для того, чтобы удержать меня от жалкого бессильного крика. Я не нуждалась в том, чтобы меня любили, хотели или заботились обо мне, не нуждалась в друзьях и определенно не нуждалась в ребенке, который однажды обвалил всю компьютерную сеть Лиги, запутавшись в собственных огромных ногах. А теперь он пытался заставить меня стать той, кем на самом деле я не была. Со мной все было в порядке. Просто немного замерзла.

Я еще глубже зарылась в куртку, уголком глаза наблюдая, как мальчик ерзает, докрасна выкручивая себе руки.

– «Бета» – хорошая группа, – наконец сказала я. – Будешь выполнять их приказы, и они тебя не обидят. «Альфе» на все начхать, и тогда старайся держаться рядом с другим ребенком, который сможет прикрыть твою спину. «Дельтой» руководит Фарбрингер, он любит детей.

– Правда? – переспросил Джуд, но его голос прозвучал безжизненно. Мальчишка изучал обрывок черной ткани, прицепившийся к его колену. – Руби, – произнес он так тихо, что за ревом самолета я с трудом его услышала. – Роб взял меня на операцию, чтобы убить?

Впервые я встретила Роба сразу после того, как Кейт вытащила меня из Термонда. Два агента Лиги договорились встретиться на заброшенной бензоколонке и привести с собой детей, которых сумеют освободить. Роб утверждал, что не смог вытащить своих и, пока его не обнаружили лагерные инспекторы, был вынужден сбежать один. Кейт, у которой с ним закрутился роман, не сомневаясь, ему поверила. Но один промах, одно небрежное касание, и его разум открылся моему. Я увидела правду.

В те ночи, когда я не лежала без сна, изводя себя мыслями о том, что случилось с Лиамом, Толстяком, Зу и девочками, которые остались в Термонде, мои сновидения заполнялись воспоминаниями Роба. Я видела лежащего на земле мальчика в капюшоне, забившегося в конвульсиях, когда агент выстрелил в него в упор. Видела лицо девочки, видела, как дрожат, умоляя о пощаде, ее губы и как сотрясается мусорный контейнер, когда Роб швыряет в него тело. Под конец я просыпалась совершенно разбитой не только потому, что на моих глазах снова и снова погибали люди, но и потому, что чувствовала, будто сама их убила. Так-то, малыш: хочешь «узнать чью-то тень» – попробуй сам побыть его тенью.

– Я все время вспоминаю Блейка. Думаю о нем каждый день, каждую минуту. Мы должны были об этом рассказать, – продолжал Джуд. – Джарвина и остальных выгонят, и Лига станет прежней... такой же, какой была до того, как все это произошло. Они плохие. Если ты избавишься от них...

Если бы справиться со злом было так легко. Иногда гниль въедается слишком глубоко, чтобы избавиться от нее, просто вскрыв нарыв. Роб, Джарвин и остальные могли оказаться всего лишь верхушкой айсберга. Меня так и подмывало рассказать Джуду правду: все, чем поделился со мной Коул, но пугать мальчишку, чтобы просто доказать свою правоту, – глупее не придумаешь. Если все сработает, ему и знать не нужно о том, что мы запланировали. Я не могла позволить Джуду проколоться и выдать нас Робу и остальным.

– С тобой все будет в порядке, – заверила я мальчика. – Я все время буду рядом.

Джуда трясло – кажется, он вообще не слушал меня.

– Как они могли? Чем мы им не угодили? За что они так нас ненавидят?

Я зажмурилась от раскатистого ржания Роба, почти оглушившего меня.

– Может, попробуешь заснуть? – спросила я. – Лететь еще несколько часов. Надо набраться сил.

– Хорошо, – согласился мальчик, – Я просто хотел...

– Чего?

– Можно мы лучше поговорим? – уставившись в колени, предложил он, неловко подтаскивая ноги к сиденью.

– Ты действительно не можешь находиться в тишине? – поинтересовалась я. – Она тебя что, убивает?

Джуд ответил не сразу, как будто пытался показать мне, что я не права.

– Нет, – наконец сказал он. – Просто я не люблю тишину. Мне не нравится, что я в ней слышу.

«Не спрашивай. Не спрашивай. Не спрашивай».

– Что... например?

– Чаще всего то, как они ссорятся, – прошептал мальчик. – Как он кричит на нее, а она плачет. Но... я слышу это через закрытую дверь. Знаешь, мама обычно прятала меня в шкаф, потому что, когда меня не было видно, он не так злился. Я не помню, как на самом деле звучал ее голос, в памяти сохранилось только это.

Я кивнула:

– Такое и со мной бывает.

– Это не странно? Прошло уже восемь лет, а я слышу их и думаю, как было темно и тесно, и мне снова нечем дышать. Я слышу их постоянно, будто они меня преследуют, и не могу от них скрыться, никогда. Они не хотят меня отпускать.

Я понимала, что мальчишка измучен, и не понаслышке знала, что это делает с твоим разумом. Какие шутки это проделывает с тобой, стоит только зазеваться. Людей преследуют не призраки – воспоминания.

– Поговоришь со мной, пока я не засну? Просто... просто, пока не засну. И не могла бы ты никому об этом не рассказывать... никогда?

– Конечно. – Я положила голову на спинку кресла, размышляя, что же рассказать ему, чтобы успокоить.

– Маленькой я очень любила эту историю, – негромко начала я, чтобы только он мог слышать меня за ревом двигателей. – О кроликах. Может, ты ее раньше слышал.

Я начала с начала, с побега. Вот мчишься через лес, и опасности подстерегают тебя на каждом шагу, и подступает отчаяние, когда пытаешься защитить всех, но понимаешь, что и себя-то толком защитить не можешь. Мальчик с бездонными темными глазами, предательство, огонь, дым. К тому времени, как я поняла, что рассказываю собственную историю, Джуд уже крепко спал, провалившись в свои сны.

Что я могу сказать о таких местах, как Бостон: неважно, какими они были раньше, что представляли собой их жители, какой процветал бизнес, какие родились в них великие люди, –

города, какими их знали прежде, исчезли. Это все равно как смотреть в зеркало заднего вида на того, кого ты любишь. Видеть, как он становится все меньше и меньше, пока уже не становятся неузнаваемыми очертания его фигуры.

Краснокирпичные здания все еще прочно вращались в землю, но окна в них были разбиты. Трава на лужайках Общественного парка местами пожухла, местами сильно вымахала, а там, где раньше росли деревья, – выгорела до корней. Великолепные таунхаусы были заперты и заколочены, лед и снег выбелили их темные камни. На мостовых были оставлены узкие проезды для машин и велосипедов, но большинство улиц старого центра были уставлены импровизированными палатками, в которых ютились люди.

Эти самодельные укрытия из разноцветных старых зонтов и детских простынок выглядели пугающе. Беднейшие из беднейших спасались от холодного воздуха в спальных мешках или просто прижавшись к стене.

– Не понимаю, – пробормотал Джуд, глядя сквозь тонированные стекла.

Уличные фонари не работали, зато пылали костры, и нам было видно все – и то, как закружила первая метель, – из машины «скорой помощи», услужливо предоставленной больницей в обмен на привезенное нами оборудование от «Леды-корпорейшн».

– Многие люди потеряли свои дома, когда обвалился рынок, – терпеливо объяснила я. – Правительство не смогло погасить свой долг, из-за этого люди лишились работы и не смогли сохранить то, чем владели.

– Но если так обстоят дела везде, почему банки не позволят людям оставить то, что у них есть, пока жизнь не наладится? Разве людям не нужно помогать?

– Потому что мир так не работает! – крикнул Роб с водительского сиденья. – Привыкай.

На мужчине была темно-синяя униформа санитара «скорой помощи», и он, казалось, наслаждался возможностью мигать фарами и сигналить тем, кто недостаточно проворно давал ему дорогу. Рядом с ним сидел один из членов команды «Бета», Рейнольдс, назначенный помогать нашей половине опергруппы. И когда они с Робом похлопали друг друга по спинам, мне хватило одного взгляда на лицо Джуда, чтобы понять: Рейнольдс – один из участников заговора против нас, это их разговор подслушал Джуд.

Остальные семеро членов «Беты» ехали впереди на приличном от нас расстоянии в кузове старого пикапа. Они были похожи на протестующих, ни чем не отличаясь от другой молодежи этого возраста: кепки «Ред Сокс», всклокоченные волосы и толстые куртки, под которыми было легко скрывать оружие.

Профессор, которого мы искали, жил в Кембридже, прямо за Чарльз-ривер. Гарвардская медицинская школа, где он проводил свои исследования, удачно располагалась в центре самого Бостона. Роб, который мудростью никогда не отличался, решил разделить операцию на два одновременных нападения. Команде «Бета» предстояло вывести из строя лабораторию, нам с Джудом – проникнуть в дом и «задержать» профессора для допроса.

По крайней мере, так думал Роб.

По мосту Лонгфелло мы переехали через реку под бесконечные вопросы Джуда о бейсболе, о реке, о липкой гадости на полу автомобиля, о том, как мы планируем возвращаться домой, пока, наконец, в наушниках наших коммуникаторов не зажужжал голос Бартона.

– Это Командир, готов начать операцию в двадцать два тридцать. Доложите о местоположении, Наставник.

– В пяти минутах от Гусиного гнезда, – ответил Роб, и я почувствовала, как «скорая» рванула вперед. Во мне разгоралось нетерпение. Я выпрямилась, подтянула колени к груди и обхватила их руками.

– Мы контактируем с тылом?

– Тыл на связи. Линия защищена, я отслеживаю обе группы. Даю добро начинать в 22.30. Судя по спутниковым данным, помехи у Второй Цели минимальны. Но в вашем, Наставник, секторе замечена значительная активность.

Даже не знаю, кто испытывал большее отвращение, когда Роба называли «Наставником», – он или я. У Роба не было своей команды детей, как у Кейт, но этот ярлык навешивали на любого, кто руководил чудными детьми на операции.

– Да тут просто митингуют, – проговорил мужчина.

Встав на четвереньки, чтобы дотянуться до заднего окна, я выглянула наружу. Роб оказался прав. Мы проезжали обсаженный по периметру деревьями университетский парк, изоброжденный дорожками. Сотни, может, и тысячи человек, не обращая внимания на мокрый снег, столпились вокруг огромного костра. Единственным, что разделяло протестующих и небольшое кольцо раздраженных полицейских вокруг, были плакаты и барабаны, валявшиеся здесь же в снегу. Люди замерли на краю небольшого парка, словно ожидая, когда подвернется возможность прорвать линию мундиров и пистолетов.

– Против чего они протестуют? – прошептал Джуд, затуманив дыханием стекло. Я не ответила, только махнула ему пригнуться, и принялась считать кварталы, которые мы проезжали: один, два, три, четыре, пять.

«Скорая помощь» резко остановилась недалеко от профессорского симпатичного белого домика с покатой шиферной крышей. Роб отстегнул ремень безопасности, встал и, слегка потянувшись, полез в кузов.

– Мы на месте, – сказал он, прижимая руку к уху. Я почувствовала, как его глаза заскользили по мне, но сама сосредоточилась на Джуде, который снова затрясся.

«Этот ребенок сам себя угробит», – подумала я, потирая переносицу.

– У вас все чисто, – предупредил агент, руководивший операцией из Штаба. – Гусиное Яйцо идет.

– Роджер, – сказал Бартон, и Роб повторил.

Вид у него был усталый, квадратная челюсть заросла щетиной, но взгляд говорил о полной боевой готовности. Роб бросил мальчику куртку и кепку фельдшера, словно это могло скрыть, что Джуд выглядел еще на пару лет младше, чем был на самом деле.

– Все время молчи, не суетись, иди прямо за мной, а потом тащи свою задницу обратно, – напутствовал мальчишку Роб. Потом, повернувшись ко мне, спросил: – Ты знаешь, что делать?

Я поймала взгляд его темных глаз:

– Знаю.

Джуд должен был отключить сигнализацию и выкатить профессора на каталке, на тот случай, если любопытные соседи решат в самый неподходящий момент раздвинуть занавески. Нам предстояло долгие пятнадцать минут возить профессора по городу, чтобы я смогла с ним поработать, потом, стерев память, выбросить его на тротуаре. Если сразу расколоть ученого окажется непросто, у Роба была явочная квартира, где, догадываюсь, мы могли бы подвергнуть его более... болезненным методам убеждения.

Роб открыл заднюю дверь, впуская порыв морозного воздуха. Они с Рейнольдсом спустились на землю каталку и мешок. Джуд снова начал выкручивать руки.

Я схватила его за запястье, прежде чем мальчишка спрыгнул вслед за Робом:

– Будь осторожен.

Джуд отсалютовал мне, стиснув зубы в попытке то ли ободряюще улыбнуться, то ли не облевать самого себя.

– Поки, кроки.

Дверь за ними захлопнулась. «После двух, подсолнух».

Даже в самых невероятных фантазиях о том дне, когда я наконец-то соберусь убежать, я даже представить не могла того, что должно было случиться сейчас. И я не ожидала, что

буду настолько спокойна. В мой первый побег от Кейт и Роба страх обуял меня мгновенно, как настоящее пламя, и ноги пустились наутек еще до того, как мозг успел принять какое-то решение. Тогда я понятия не имела, куда направляюсь и что собираюсь делать. Просто бежала. Мне крупно повезло, что я наткнулась на Зу и на остальных.

Но второй раз полагаться на удачу я не могла. И у меня не было времени на то, чтобы испугаться того, что произойдет, если меня поймают. Самообладание сделало меня намного сильнее, чем неконтролируемые эмоции, которым я поддавалась тогда на заправке. У меня было дело, которое я должна была закончить, люди, которых поклялась защитить, и никто – уж в особенности Роб Мидоус – не мог остановить меня, пока я еще жива.

Когда трое поднялись на крыльцо, включилась лампа. Джуд быстро взглянул на меня через плечо и исчез, завернув к маленькому щитку, обслуживавшему дом.

Наконец свет погас, и Роб склонился над золотистым дверным замком. Я же стянула тяжелую черную куртку Лиги, вытащила зажигалку и швейцарский армейский нож, спрятанные в одном из карманов, и распихала их по ботинкам. Старая кожаная куртка Лиамы вряд ли спасет от холода, зато в ней не водилось «жучков».

Я выбралась наружу через водительское сиденье, и только мои ботинки коснулись снега, как со стороны задних дверей «скорой» показался Джуд.

– Что ты?..

Я ринулась вперед, зажимая ладонью его рот. Глаза мальчишки расширились от страха, пока я не прижала палец к губам. Джуд был слишком сбит с толку, чтобы сразу разобраться в происходящем. Схватив парнишку за руку, я подтащила его к себе, туда, где нас не могли увидеть.

– Мы внутри, – гаркнул в ухо грубый голос Роба. – Готовность, Командир?

– Все по графику, Наставник.

Я взглянула на уличный знак – Гарфилд-стрит – и попыталась сориентироваться. Нужно оторваться от Роба, прежде чем этот урод поймет, что мы слиняли. Я быстро бегаю, но не быстрее машины, а сейчас со мной еще и Джуд. Если успеем добраться до парка с теми протестующими, можно попробовать скрыться от Роба с Рейнольдсом в толпе. Роб не догадается искать там, где поймать нас легче легкого. Он жесток и злобен, но не слишком сообразителен.

Джуд тяжело дышал мне в затылок – сегодня ему досталось, но в общем-то он был в норме. Ветер трепал его шапку и пытался сорвать мою, и я натянула ее пониже, так чтобы из-под нее не выбивались мои длинные волосы. Голоса обеих опергрупп сразу сделались глуше.

В Вирджинии никогда не было такого холода: резкий, кусающий за каждый сантиметр открытой кожи. Я постепенно увеличивала скорость, смагивая слезы и снег, Джуд, как мог, старался не отставать. Под ногами сверкали кусочки льда, когда я пробиралась через растущие между домами деревья, трещали ветки, скрытые под настом. На юг, на юг – просто продолжать двигаться на юг, найти Гарвард-ярд, митингующих и сбежать.

– *Цель захвачена. Мандарин, периметр чист?*

Джуд в страхе метнулся ко мне, но я предупреждающе покачала головой.

Голос Роба прошелся по моему позвоночнику, словно спичка по коробку. Огонек вспыхнул небольшой, но достаточный, чтобы мне пришлось напрячься, чтобы ответить.

– О да, – подтвердила я, надавив пальцем на коммуникатор. – Горизонт совершенно чист.

Я знала, что Роб уже обнаружил наше исчезновение – в ту же секунду, как открыл дверь «скорой». На его конце линии повисла тишина, он молчал и тогда, когда Штаб и Бартон запросили у него обновление статуса. Я могла представить себе его лицо: белое, быстро багровеющее от усилий, чтобы сдержать ярость. Еле заметная улыбка изогнула уголки моего рта. Он не мог вызвать меня, не раскрывая, что потерял. Самая важная часть работы Наставника состояла в том, чтобы держать *ффриков* под постоянным наблюдением.

– *Ман...* – начал было Рейнольдс, но тут же осекся.

– Эй, Роб, – позвала я тихим, спокойным голосом.

Я увидела во дворе свет от костра, и небо, окрашенное новым оттенком оранжевого. Джуд ухватился за полу моей куртки – длинные пальцы вцепились в ее кожу: мальчишка изо всех сил пытался держаться моей скорости. Снег усилился. Пересекая последнюю улицу, я натянула на голову капюшон поддетой под куртку флиски, засунула руки в карманы.

– У меня к тебе вопрос.

– Ру, – зашептал Джуд. – Что мы творим? Куда идем?

– Мандарин, не засоряй сеть разговорами, не касающимися операции, – подал голос Бартон.

Отлично. Я хотела, чтобы он услышал. Хотела, чтобы все они услышали.

Круг полиции и национальных гвардейцев был разорван, и протестующие готовились рвануть в открывшуюся брешь, сжимая в руках плакаты, колотя в барабаны. «Полуночный марш, – подумала я, хотя знать не знала, к чему он приурочен. Быстро оглядев разномастные плакаты, я поняла, что собравшиеся и сами не очень-то знали, против чего протестуют. Против всеобщего призыва в СПП? Нежелания президента Грея вести переговоры с правительством Западного побережья? Против общего состояния ужаса, расплывавшегося по стране, как загрязнение по Лос-Анджелесу?

Вокруг нас собралась в основном молодежь – подростков среди них не было. Большая часть университетов и колледжей страны была временно закрыта из-за отсутствия финансирования, но, если бы где-то еще оставались средства, полагаю, Гарвард был бы одним из таких мест.

«МЫ – ИЗМУЧЕННЫЙ, БЕДНЫЙ, ЗАБИТЫЙ НАРОД...» – гласила табличка рядом со мной. Я позволила протестующим обогнать нас, немного отставая, чтобы никто не услышал треск коммуникатора. Подождав, пока на площади никого не останется, я снова тронула коммуникатор, активируя микрофон.

– Я просто хочу знать – как их звали?

– Мандарин, – напряженно проговорил Роб, казалось, он слегка запыхался. – Я понятия не имею...

– Мандарин, прекрати... – Голос женщины из Штаба тоже звучал недовольно.

– Что, черт возьми, происходит, Наставник? – Бартон по-прежнему нас слушал.

– Те два ребенка, которых ты вытащил из лагеря в ночь перед тем, как мы с тобой встретились, – продолжала я, не отрывая взгляда от молодого парня в дредах – он махал руками, показывая нам всем идти вперед. – Мальчик и девочка. Уверена, ты их помнишь: столько усилий, чтобы их вытащить, не говоря уж о том, чтобы крепко связать по рукам и ногам.

Джуд уставился на меня, его темные брови сдвинулись в замешательстве.

– Я никак не могу понять. Ты их вывел, а потом убил в переулке и бросил – зачем? Какой в этом был смысл? Что они сказали или сделали, чтобы так тебя разозлить? Девочка умоляла тебя. Она не хотела умирать, но ты забрал ее из лагеря и казнил. И даже не снял маску с того мальчика.

Я сжала кулаки, чтобы унять дрожь в руках. И в ту же секунду в моем ухе внезапно затрещал голос Албана.

– Что происходит? – Он глубоко вдохнул. – Я хочу, чтобы вы оба явились к Командиру. Если ты не хочешь возвращаться в Штаб с Наставником...

– Мы не вернемся в Штаб, – заявила я, – пока он не уйдет навсегда.

Опасная игра: если Албан проглотит наживку и вышвырнет Роба, остальные из его кровавой стаи все еще могут нанести ответный удар по детям, которые оставались в Штабе. Но – *но* – теперь, когда Албан знал, что Роб – чудовище, он сам и те агенты, которым мы могли доверять, станут внимательнее присматриваться к остальным, по крайней мере, в ближайшие несколько недель. В то же время Джарвин и другие заговорщики, зная, что Джуд сбежал и не

может их заложить, будут считать себя в безопасности. Мне и не требовалось много времени – через несколько недель я бы вернулась со всем необходимым, чтобы от них избавиться.

– Роб, слушай, я просто хочу знать их имена. Просто интересно, удосужился ли ты узнать их, прежде чем убить этих детей.

– Думаешь, все это шутки? Прекрати, черт возьми, свое вранье! Когда я тебя найду...

– Молись, чтобы никогда меня не найти, – сказала я, чеканя каждое слово. Мне не нужно было закрывать глаза, чтобы увидеть лицо той девочки. Я чувствовала, что она идет рядом со мной, с открытыми глазами, навсегда застывшими на дуле пистолета и на руке, которая твердо его сжимала. – Ибо то, что я с тобой сделаю, будет гораздо хуже пули в черепе.

Я не стала дожидаться ответа. Сдернув коммуникатор, я бросила его на землю, и его сразу раздавила толпа, следующая за нами. Я показала жестом Джуду не отставать и припустила бегом, догоняя протестующих. Нас прибило к потоку людей, хлынувшего на пустынную Массачусетс-авеню. Меня толкали со всех сторон – отовсюду тянулись руки, люди скандировали и кричали. Но за многие месяцы я вдруг ощутила себя в безопасности. Устремившись вперед, я оглянулась, ожидая увидеть бледное лицо Джуда – вот он: глаза широко раскрыты, щеки и нос покраснели от лютого холода. Я плыла на волне кипящей энергии и власти. Мы уже оказались достаточно далеко, и никто уже не обращал на нас внимания.

Я почувствовала, как Джуд снова вцепился в мою куртку, и двинулась дальше, лавируя вместе с толпой. Барабаны впереди воодушевленно выбивали бешеный ритм, и тут я ощутила первый укол паники. Мне показалось, кто-то сзади окликает меня по имени, но ярость, затопившая разум, заглушала даже лозунги митингующих.

Толпа вокруг меня все увеличивалась, и чем дальше мы продвигались по улице, тем, казалось, сильнее росло возбуждение протестующих. В их крови ревело в унисон: «Больше, больше, больше, больше». Это было единственным, что их объединяло. Единственное, чего они хотели все: больше еды, больше свободы, больше денег, больше...

Я уже поняла, куда мы направляемся: в самое сердце Бостона. Впереди виднелся мост Массачусетс-авеню – и знакомые синие и красные сигнальные огни полицейских машин, его перекрывавших.

Люди продолжали свой марш.

В защитном снаряжении стояли десятки полицейских, национальные гвардейцы направили на толпу автоматы, но ни один из протестующих даже не остановился. И когда я попыталась замедлить шаг, инерция толпы толкала меня идти дальше.

Один из полицейских, седовласый мужчина, который стоял перед строем автоматчиков и смотрел, как толпа приближается, поднял мегафон:

– Говорит сержант Бауэрс из Бостонского полицейского управления. Вы нарушили Конституцию Массачусетса, главу двести шестьдесят шестую, раздел двадцать первый, и подлежите аресту. Вы собрались незаконно. Я требую, чтобы вы немедленно и мирно разошлись. Если этого не произойдет, вы будете арестованы. Это последнее предупреждение.

Я не видела, кто бросил первый камень. Не видела, как пролетели второй и третий. Но слышала грохот ударов по прозрачным щитам полицейских.

– Тогда стреляйте! – выкрикнул кто-то. – Стреляйте! Стреляйте! Стреляйте!

Девушки вокруг меня подхватили его слова и тоже начали выкрикивать.

– Стреляйте! Стреляйте! Стреляйте! – надрывалась толпа.

Я шагнула назад, пробиваясь сквозь давку, которая только усиливалась. Они хотят, чтобы полиция открыла по ним огонь?

Чтобы показать превосходство или...

Снять расстрел на видео. Я увидела портативные устройства, зажатые в негнущихся оконечивших пальцах. Снежинки липли к стеклянным глазкам камер, следивших за траекторией каждого камня, снежка и кирпича, запущенных в сторону женщин и мужчин в униформе. Я

пригнулась, держа руки над головой, пробиваясь к задним рядам. Шальной локоть прошелся по моему затылку, и этого оказалось достаточно, чтобы я снова начала соображать.

Я обернулась, хватая Джуда за руку – но человек, цеплявшийся за мою куртку, оказался невысокой азиаткой в толстых темных очках, таращившейся на меня с таким же удивлением, как, должно быть, и я – на нее.

– Извини! – крикнула она. – Думала, ты – моя подруга.

«Черт, – я завертела головой, сканируя толпу. – Где он?»

Выстрел оказался единственным звуком, который пробился сквозь непрерывное скандирование и заставил их замолчать. Мы с девушкой обе рванулись назад, натолкнувшись на тех, кто все еще двигался вперед. Возможно, стрелявший, кем бы он ни был, офицером или солдатом, надеялся таким образом разогнать толпу, но серьезно недооценил гнев, подпитывавший этих людей. Протестующие во главе шествия явно привыкли к подобным запугиваниям. Я оглянулась, чтобы увидеть, как они бросились на черные щиты, преграждавшие им путь, навалились на капоты полицейских машин. Тех, кому не повезло, отпихнули назад, сбив на землю дубинками.

– Джуд! – кричала я, чуть не падая на колени, придавленная чувством вины. – *Джуд!*

Зловеще зашипел первый баллончик слезоточивого газа, но и этого оказалось недостаточно, чтобы толпа рассеялась. Волна протестующих рванулась в сторону офицеров. Я почувствовала, как кто-то попытался схватить меня за руку и развернуть, но вырвалась.

«Это был плохой план, Руби, – думала я, даваясь отравленным воздухом. – Плохой, плохой, плохой план».

И тут – чудом – я увидела его. Я уже отворачивалась, чтобы посмотреть в другую сторону, как вдруг заметила курчавую голову.

Синяя куртка санитара хлопала по ветру, один из рукавов порвался. Джуд стоял на цыпочках, одной рукой вцепившись в уличный фонарь, другую сложив рупором у рта, непрерывно голоса: «Руби! Ру!»

Теперь я понимала, что получалось, когда соединялись вместе нетерпение и страх, – полный хаос. За облаком слезоточивого газа, за толпой, внезапно рванувшей в разные стороны, пытаясь убраться подальше от выстрелов, дыма, моста, фигурка Джуда пропала из вида. Люди кричали, выстрелы не смолкали. Добавился и новый шум – над нами, обрушивая вниз свет прожектора, завис вертолет. Трещавшие винты разогнали дым, расчищая национальным гвардейцам путь. Впервые в общей мешанине показались черные униформы.

Если бы не ночь, если бы слезы не застилали глаза, если бы я слышала хоть что-нибудь, кроме гулкого буханья собственного сердца, то заметила бы это раньше. Воздух словно завибрировал, касаясь моей кожи, и я ощутила запах озона секундой позже того, как успела что-либо сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.